

ТАТЬЯНА
КОРСАКОВА

Жайна старога поместья

**СЕРДЦЕ
ЗВЕРЯ**

Тайна старого поместья

Татьяна Корсакова

Сердце зверя

«Автор»

2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Корсакова Т. В.

Сердце зверя / Т. В. Корсакова — «Автор», 2016 — (Тайна старого поместья)

ISBN 978-5-699-90451-8

Этот дом скрывает в себе множество тайн. Даже человек, который построил его, не знает их все. Тайные переходы, подвалы, а главное – лежащая в его основании пещера, где бьется серебряное сердце... сердце зверя. В этот дом не попадают случайные люди. Архитектор Август Берг, учительница Софья, далеко не такая простая, как кажется на первый взгляд, Илья – мальчишка, похожий на волчонка, – все они собрались здесь не зря. Дом сам выбрал их и готовит для каждого свое испытание.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-90451-8

© Корсакова Т. В., 2016
© Автор, 2016

Татьяна Корсакова

Сердце зверя

Володе, мужу и лучшему другу, с любовью и благодарностью.

© Корсакова Т., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Она пришла к Августу глухой безлунной ночью, замерла на пороге маяка, словно дожидаясь приглашения. Можно подумать, таким, как она, нужно приглашение! Но он все равно пригласил.

– Входи, – сказал, опрокидывая в себя бесполезную рюмку водки. В последнее время он не пьянел, сколь бы много ни выпил. Вот такое проклятье... – Убьешь?

Пожалуй, закончить жизнь сейчас, пусть даже и в когтях нежити, стало бы для него спасением, способным оборвать вереницу серых, друг на друга похожих дней. Августа держала на плаву лишь надежда. Нет, не на то, что сердечная боль когда-нибудь стихнет, а надежда на то, что его враг вернется на Стражевой Камень и свершится месть – сладкая, пьянящая сильнее самого ядреного самогона. С мыслью о мести Август Берг засыпал, с нею же и просыпался. Впрочем, спал в последнее время он все меньше и меньше. Душа болела и терзалась, а тело, казалось, обрело вторую молодость и было полно сил. Именно тело, глупое, неподвластное Августу, испуганно вздрогнуло, когда на пороге маяка появилась албасты.

Она вошла молча. Не вошла даже, а просто как-то вмиг очутилась рядом с Августом. Слишком близко, чтобы он не почувствовал исходящий от нее смертельный холод. А серебряное кольцо, прощальный подарок Тайбека, наоборот, нагрелось, задрожало мелко-мелко, заставляя следом дрожать кости и даже зубы. Мерзкое ощущение, едва ли не хуже утреннего похмелья. Странное ведь дело, напиток не получалось, а похмелье мучило исправно, терзало, выворачивало кишки наизнанку, раскаливало голову болью, кровавыми мухами мельтешило перед глазами. До тех пор, пока Август не выпивал первую свою сделавшуюся уже традиционной рюмку. Легче не становилось, но тошнота и боль немного отступали. А большего ему и не нужно. У него теперь совсем мало желаний. Можно сказать, почти и не осталось. И страха тоже почти не осталось. В бездонные глаза албасты он смотрел смело, тонул в их опасной черноте, задышался и захлебывался, но не боялся. Почти...

И она тоже смотрела. Приблизилась вплотную, так, что белые космы ее едва не коснулись сжатой в кулак руки архитектора. Руку можно было отдернуть, у него еще оставались силы, но Август не стал. А кольцо нагрелось еще сильнее, почти невыносимо.

– Ты видел меня, – голос албасты был сиплый, не отличимый от змеиного шипения. – В зеркалах. – Она не спрашивала, она знала правду, и врать ей не было смысла. Как не имело смысла в его нынешнем существовании. Почти не было...

– Видел.

Зеркала из серебряной змеиной чешуи лежали в тайнике под замком. Искушение заглянуть в одно из них еще раз было сильно, но Август ему противился. Оставлял для себя последнюю надежду или, возможно, путь к отступлению. Если вдруг захочется куда-нибудь отступить.

– И кто я такая, знаешь? – Албасты парила в воздухе, и ошметки ее истлевшего платья развевались от невидимого, но явно осязаемого сквозняка.

– Знаю.

– Знаешь, но не боишься.

– Не боюсь. – Зачем же врать той, которая все знает наперед.

– Это хорошо. – Албасты села за стол напротив Августа. Не уродливая старуха с глазами-колодцами, а девица дивной, нездешней красоты, с волосами белыми, как лунный свет, с

серебряной радужкой и бездной вместо зрачков. Красивая, но все равно опасная. Смертельно опасная. – Так лучше? – спросила с улыбкой, едва ли не кокетливой, и легким движением смахнула со стола полупустую бутылку. Бутылка упала на дощатый пол, не разбилась, но расплескалась. В комнате едко запахло самогоном, а Августа снова затошнило.

– Мне все равно, – признался он, подумав о том, успеет ли выбежать из маяка или его вырвет прямо тут же.

– Тебе нечего терять. В наше время это большая редкость. Люди привязываются. К вещам ли, к другим людям.

– Я привязан.

– Она умерла, твоя женщина. Здесь ее нет, но и в Нижний Мир она не ушла.

– Заблудилась, как Айви? – Дышать вдруг стало больно, и Августа замутило еще сильнее.

Выскочить за порог он все-таки успел. Албасты осталась в башне. Ждала. И дождалась. Августу нужно было услышать ответ.

– Не заблудилась, просто осталась. Она сильная и чистая, а чистая душа может себе позволить многое.

– Она здесь?.. – Август оглянулся в робкой, несбыточной надежде увидеть свою Дуню. Не увидел. Глупец. Мертвые не возвращаются...

– Не возвращаются. – Албасты читала его мысли. – Но могут подождать тех, кто им дорог. Время для них – ничто.

– А для тебя? – Не нужно спрашивать. Какое ему дело до нежити? Ему и до собственной жизни дела нет.

– А для меня – пытка. – Албасты улыбнулась. Улыбка получилась... жуткой. Неземной красоты дева снова превратилась в старуху, всего на мгновение. Но Август успел разглядеть острые, словно колья, зубы и раздвоенный змеиный язык. И лунные волосы снова ожили, заплетаясь в косу, потянулись к Августу. – Тот, кто был до тебя, это понимал.

– Тайбек?

– Я не помню имен. Слишком много их было. – Албасты перебрала косу за спину и пожала плечами. Совершенно женский, человеческий даже жест. Легко забыть, что перед тобой не человек. – Но на тебе его кольцо. – Острым ноготком – пока еще ноготком – Албасты оставила на дубовой столешнице зарубку. – И ритуальный нож у тебя. – Рядом с первой зарубкой появилась вторая. – И в зеркало ты посмотрел. – Третья зарубка на дереве, а Августу кажется, что на его сердце. – И ты меня не боишься. – Четвертая зарубка кровавой полосой прочертила его ладонь.

Отпрянуть Август не успел. Сидел, словно замороженный, смотрел, как в чаше ладони собирается густая кровь. И албасты тоже смотрела. Зрачки ее делались все шире и шире, а губы кривила почти мученическая усмешка.

– Я тебя не убью, – сказала она успокаивающе. Кого успокаивала: его или себя? – Мы поможем друг другу. Ты – мне, я – тебе.

И подсунула под ладонь кружку с водой, сжала запястье, стряхивая кровь в воду. «Ходил, кровью воду поил...» Кто это говорил? И говорил ли вообще или Августу это лишь почудилось?

Албасты воду выпила и облизала губы раздвоенным языком.

– Я принимаю твою жертву, человек, – сказала торжественно, словно Август ей и в самом деле что-то обещал. – Клянусь помогать тебе и не убивать.

– Спасибо. – У него даже получилось улыбнуться в ответ на такое вот оригинальное обещание. – А сумела бы, когда на мне вот это? – Кольцо больше не нагревалось, лишь посверкивало в темноте тусклым боком.

– Не сумела бы. – Албасты тоже улыбнулась. – Древняя вещица, сильная. – На кольцо она смотрела без злости, скорее – равнодушно.

– Как и нож.

– Как и нож. Видишь, я не обманываю тебя, человек. А теперь ты мне ответь: сможешь, если попрошу?

– Ради чего мне тебе помогать? – Август и в самом деле не понимал. Как не понимал он, какая может быть помощь от нежити.

– Ради кого. – Албасты сжала пальцы, и опустевшая железная кружка смялась, словно сделана была из бумаги. – Ради девочки. Ты помнишь девочку, человек? Или из-за своего горя все на свете забыл?

– Айви? – Он и в самом деле забыл. Думал о своем, пил, плакал иногда...

– Анна. – Албасты покачала головой, и коса ее, как живая, скользнула по плечу, притаилась на груди. – Айви сейчас там, где ей должно быть. Ей хорошо, – сказала и улыбнулась. По-доброму, почти человеческой улыбкой. – А Анна здесь.

Август помнил. Девочка с рыжеватыми кудряшками и лисьим разрезом глаз. Серых глаз – не серебряных, как у матери и как у этой... албасты. А ведь было в них что-то общее. Девочка, женщина и... не женщина. Что-то во взгляде, в посадке головы, в высоких скулах.

– Ты?... – Вопрос как-то не складывался. Не понимал Август, как о таком спрашивать. И можно ли вообще спрашивать.

– Они мои девочки. – Албасты все поняла правильно и ответила: – Плоть от плоти. Кровь от крови...

– Серебряной крови... – Догадка обожгла, заставила вцепиться в столешницу.

– Мне проще показать. Между нами не должно быть недомолвок, человек.

Уже не ногти, а когти впились Августу в запястье, вспороли кожу, выплескивая в кровь горечь чужих жизней и чужих воспоминаний. Было больно. И страшно. И жалко всех скопом. Жалко албасты, у которой, оказывается, есть имя. Кайна! Красивое, как плеск волны. И загадочное. Кайна – тайна. Жалко всех ее девочек, тонких, изящных, с серебряными нитями в длинных косах, меченных Полозовой кровью... Жалко тех, кого убила албасты по имени Кайна. Жалко тех, кого она еще убьет... Любовь вопреки всему. Счастье. Предательство. И страшная кара... Чужая боль, как своя собственная, если не сильнее. Как с этим можно жить?..

– Я не живу. – Она в самом деле читала мысли и не скрывала этого. Когти из запястья Августа выдернула, облизала каждый по очереди, поморщилась. Видно, его собственные воспоминания были так же горьки, как и ее. – Но и не умираю. А ты ее любил, свою женщину.

– Люблю. Она придет? Хоть когда-нибудь? Айви ведь смогла, пришла к Федору. – Еще одна надежда – дикая, несбыточная. Но как же можно без надежды?

– Не знаю. Она другая. Слишком много света от нее. Тому, кто долго был в темноте, больно смотреть на свет. Я не смотрю. Я пришла из-за девочки.

– Анечки.

– Анечки. – Это имя албасты произнесла медленно, словно пробуя его на вкус. – Ей угрожает опасность.

– Уже нет. Айви ушла.

– Айви ушла, а я вернулась. – Когти снова впились в столешницу, прочерчивая на ней глубокие борозды. – Пришла, чтобы присматривать за ней, но... переоценила свои силы.

– Ты тоже хочешь ее убить? – Август уже ничему не удивлялся. Разучился за дни жизни без Дуни.

– Не хочу. – Албасты покачала головой, и коса ее распалась на десятки серебряных змеек, которые потянулись к Августу. – Но убью, если она не уедет.

– Анечке нельзя надолго без озера. Мы пробовали, она начинала болеть. Смертельно.

– Теперь можно. – Албасты достала костяной гребень, принялась расчесывать волосы. – Пока он спит, можно. Серебро в ее крови тоже спит. Может, и не отзовется никогда. Я надеюсь, что не отзовется. Не нужно это моей девочке. – Она улыбнулась, не замечая, как гребнем

расчесывает уже не волосы, а собственную плоть. Было ли ей больно? Август не знал и знать не желал. – Те, кто взялся ее опекать, хорошие люди.

– Хорошие. – Берг согласно кивнул, замороженно наблюдая, как оставленные зубцами гребня раны тут же бесследно исчезают. – Они любят Анечку.

– Я тоже ее люблю. Как умею. Я так долго не-живу, что уже почти забыла, как это – любить живого человека. Но я помню, что нужно защищать. – Гребень исчез, а разобранные на пряди расчесанные волосы сами сплелись в толстую косу. – Я переоценила свои силы, человек. Заглянула в гости, думала, что справлюсь. И едва удержалась. Она еще слишком маленькая, слишком ребенок, чтобы та, кем я стала, позволила ей остаться в живых. Но та, кем я была, все еще имеет власть.

Албасты по-птичьи взмахнула руками и снова зависла в воздухе рядом с Августом. Он поежился. Нет, не от страха – от холода, который от нее исходил. Могильного, нечеловеческого холода. И от тонкого, едва уловимого запаха крови. От этого запаха его мутило.

– От тебя тоже смердит. – Албасты не собиралась его щадить. Да и зачем ей? Разве не честнее говорить друг другу правду, пусть даже от правды этой к горлу подкатывает горько-кислый ком? – Мне все равно, но люди могут оказаться не такими... терпимыми.

– Помоюсь, – пообещал Август. – Может быть.

– Работы на острове закончены. – Албасты словно бы его и не услышала. Или не хотела слышать то, что не относилось к делу. К ее делу. – Пусть тот человек заберет Анечку, свою женщину и уедет.

– Виктор. Его зовут Виктор. – Отчего-то вдруг показалось важным, чтобы она услышала имя. – А его женщину зовут Настей.

– Хорошо. – Албасты кивнула. – Пусть так, я согласна. Но ты должен передать им мои слова. Сегодня же! – Длинные когти впились в плечо, и Август застонал от боли.

– Передам, – прохрипел он, отшатнувшись, и едва не свалился с деревянной лавки.

– Все время забываю, как хрупка человеческая плоть. – Албасты с легким удивлением посмотрела на свои окровавленные когти, которые на глазах теряли и длину, и остроту, превращаясь в ногти. – Я постараюсь быть осторожнее.

Он ничего не ответил, лишь раздраженно пожал плечами. Движение это принесло ему новую порцию боли.

– Заживать будет долго, раны загноятся, – сказала албасты. В голосе ее не слышалось ни сочувствия, ни сожаления. – Другой бы умер, но ты теперь особенный, справишься.

– Особенный из-за кольца?

– Серебро не всякого примет. Оно могло тебя убить, но не убило, поделилось силой. Ты ведь чувствуешь силу? Ее невозможно не почувствовать.

Август кивнул. Теперь он понимал и Акима Петровича, и Федора, и Тайбека, и даже Виктора, которого серебро сначала едва не убило, а потом все-таки спасло. Понимал и где-то очень глубоко в душе удивлялся этой заемной силе. С раннего детства он привык чувствовать себя слабаком, получавшим затрешины от соседских мальчишек. А потом, уже в юности и зрелости, к слабости физической прибавилась слабость душевная, он запил. Если бы не Дуня, Берг убивал бы себя медленно, но верно. Дуня изменила всю его бестолковую жизнь, заставила почувствовать себя настоящим мужчиной, сильным, смелым, отчаянным. Заставила, а сама ушла, бросила наедине с этой никому не нужной силой...

– Я присмотрю за тобой, – сказала албасты, и Август не понял, угроза это или утешение. – А ты присмотри за моей девочкой. Она сможет вернуться, когда повзрослеет. Если захочет. Но лучше бы не захотела.

– Для кого лучше?

– Для нее. Для меня. Для нас обоих. Я слишком давно не-человек, скоро от того, что я считаю чувствами, не останется даже воспоминаний.

– Как скоро? – Что-то подсказывало ему, что для албасты время течет иначе, чем для обычных людей.

– Не знаю, но не хочу рисковать. Сделай, что я тебе велю, и обещаю, твой враг умоется кровавыми слезами, вспомнит имена всех, кого убил или обидел. Я буду убивать его долго...

– Нет! – Август и не ожидал, что в его выгоревшей душе еще может прятаться ярость. – Ты его не тронешь!

– Почему? – Албасты не может удивляться, по ту сторону жизни нет места эмоциям, она сама это сказала. Отчего же в голосе ее чудится удивление?

– Злотников – мой, – сказал Август Берг с улыбкой, безумством не уступающей улыбке самой албасты. – Я сам, своими собственными руками убью его и всех, кто ему дорог.

Вытянутые вперед руки дрожали, но не от беспробудного пьянства, а от бешенства.

– Я стану уничтожать его медленно, а ты мне в этом поможешь.

– Я в тебе не ошиблась, человек. – Юная дева перекинулась в старуху. Расплелась коса, и белые волосы превратились в седые космы, потянулись к Августу, обвили шею. Его не испугала эта жуткая ласка, даже когда в легких закончился воздух, а горлу стало нестерпимо больно. Албасты отступила, а вместе с нею отступила и боль. – Опять забылась. – Юная дева улыбнулась почти виновато. – Слишком долго я жила вдали от людей. Отвыкла. Но ты не бойся, я научусь с этим справляться.

Август хотел было сказать, что он больше ничего не боится, но передумал. Албасты, его единственный союзник, и так это знала.

– Я сегодня же поговорю с Виктором и Анастасией, – сказал он церемонно. – Думаю, я сумею их убедить.

– Постарайся. – Албасты стояла уже на пороге распахнутой настежь двери. – Потому что, если ты не сможешь их убедить, когда-нибудь я убью их всех. А мне не хотелось бы...

Последние слова принес Августу налетевший вдруг ветер. Хлопнула тяжелая дверь, отсекая его от албасты и остального мира. Слабое пламя свечи дрогнуло, присело, но выдержало. Август тоже выдержит. У него нет иного выбора. У него вообще ничего нет, кроме его ненависти...

* * *

У него не получилось. То есть поговорить с Виктором и Анастасией вышло, а вот добиться их скорейшего отъезда из Чернокаменска нет. И не было в том ничьей вины. Обстоятельства, которые не в силах изменить простой смертный.

Август пришел в дом Виктора, как и обещал, на следующий же день. Берг готовился к этой встрече тщательно, отказался от соблазна выпить хоть одну чарку, умылся холодной озерной водой, пятерней пригладил изрядно поредевшие волосы. Он оделся бы в чистое, да вот только чистого не нашлось. Рубаха была вся в пятнах, с дырой на рукаве. Откуда взялась дыра, Август не помнил. Вдруг выяснилось, что он многого не помнит из недавнего своего существования. Серая пелена из боли и хмеля, пробиться сквозь которую, кажется, пытались те, кого он мог бы назвать своими друзьями, но не назвал. На остров приплывал Кайсы, привозил еды. Не сырое мясо, а уже готовое, вяленое. Понимал, что Август ни на что больше не годен, что сам не справится даже с такой малостью, как приготовление пищи? Жалел?

Они все его жалели. Те, кто остался. Приходил Виктор со своей невестой – или уже женой? – уговаривал оставить остров, переехать в Чернокаменск. Тогда Август был пьян и плохо понимал, что происходит, кричал, оскорблял, гнал вон. Прогнал, надо думать. Точно прогнал, если вот уже который день – или месяц? – ему никто не мешает, не уговаривает взять себя в руки, не зовет.

Стало ли легче, когда его оставили в покое? Август не задумывался. Он разучился думать и, пока не закончилась бумага, занимал себя самогоном да рисунками, которыми затем растапливал печь. Пробовал рисовать на земле, но земля оказалась твердой как камень. Она и являлась камнем, таким же бесчувственным, как сам Август. Ей тоже было все равно. Неравнодушной оставалась лишь озерная вода, она пела Августу, утешала, уговаривала. Иногда ему казалось, что еще чуть-чуть, и он начнет понимать, что нашептывают ему волны, о чем силятся сказать. Так было до тех пор, пока не пришла албасты и не скрепила их уговор его, Августа, кровью.

Лодка с почерневшими боками нашлась на берегу, лежала, зарывшись острым носом в черную гальку, под брюхом своим прятала весла. Лодку Август перевернул легко, одним движением, и мимоходом удивился этой своей удали. Как удивился и тому, что нет в нем больше страха перед озером, перед неизведанными его глубинами и тем, кто заточен на дне. Он греб размашистыми, широкими гребками и подставлял лицо свежему летнему ветру. Когда оно наступило – это лето? Евдокия ушла зимой, метель была, поземка, снег кругом, а теперь солнце, такое яркое, что больно глазам, жара и ветер в лицо. Полгода жизни куда-то пропало, а он и не заметил. Надо же...

К дому Виктора Август шел пешком. Думал, что не вспомнит, куда нужно идти, но ноги сами нашли дорогу. Его не ждали, но визиту его обрадовались. По крайней мере, девочка, неуловимо похожая и на Федора, и на Айви, и на албасты, точно обрадовалась. Она сидела на крыльце дома, пытаясь повязать платок на голову огромному догу, но, завидев Августа, встала, подошла, взяла за руку. Ее ладошка была маленькой и теплой, а Берг вдруг подумал, что, несмотря на лето и солнце, мерзнет.

– А я вас знаю. – Девочка старалась быть вежливой, но в серых глазах ее горел жаркий огонек обычного детского любопытства. – Вы друг дяди Вити. Вы живете на острове.

Дог, мотнув головой, стряхнул платок, тоже подошел к Августу. Смотрел внимательно, но нападать, кажется, не собирался.

– И я тебя тоже знаю. – Август не нашелся, что еще ответить. – Ты Анна.

Девочка кивнула и даже попыталась изобразить что-то вроде реверанса. Вышло не слишком грациозно, но у маленькой леди еще все впереди. Если у Августа получится выполнить просьбу албасты.

– Анюта! – на крыльцо вышла девушка. Невысокая, стройная, с лицом одновременно счастливым и смертельно уставшим. – Я же говорила тебе, что нельзя... – Она осеклась, замерла, глядя на Августа, а потом улыбнулась и сказала: – Мастер Берг, как хорошо, что вы пришли!

В ее голосе не слышалось фальши. Фальшь Август научился чувствовать очень хорошо. В этом доме ему и в самом деле были рады. Стало вдруг неловко. И за свое помятое, испитое лицо, и за грязную одежду, и за запах, который наверняка не удалось извести озерной водой.

– Анюта, веди мастера Берга в дом. – Анастасия и сама уже спускалась с крыльца, улыбалась, тянула к Августу руки, словно был он самым дорогим гостем.

Она бы тоже взяла его за руку, как маленькая Анюта, но Берг трусливо спрятал руку за спину и голову в плечи втянул.

– Я пришел, чтобы поговорить с Виктором. – Получилось резко, пожалуй, слишком резко. Эта девочка не виновата, что в горе своем он почти утратил человечность, что общаться с неживой албасты для него теперь проще, чем с живыми людьми. – У меня мало времени, – добавил виновато. – У нас у всех мало времени.

– Конечно, Август Адамович, только давайте пройдем в дом. – Анастасия не обиделась и не оскорбилась, лишь взгляд ее сделался чуть более внимательным. – Муж будет с минуты на минуту.

Значит, уже муж. Значит, была свадьба или, скорее, скромное венчание. Наверняка его приглашали, но он все пропустил, отгородился своим горем от чужого счастья. Тогда счастье казалось ему непозволительным и оскорбительным. Впрочем, и сейчас ничего не изменилось.

– Вы голодны, Август Адамович?

Он не знал, разучился чувствовать свое тело, перестал прислушиваться к его просьбам и мольбам уже давным-давно.

– Голоден. Наверное.

– Вот и хорошо, а у нас уже все к столу готово.

В доме пахло болезнью. Этот запах лекарств и человеческих страданий Август помнил очень хорошо. В его собственном доме пахло так же, когда Дуня болела.

– Моя бабушка. – Анастасия ответила на его невысказанный вопрос. – После того как Федор ушел, она слегла. Иногда мне кажется, что она держалась лишь ради того, чтобы дожидаться встречи с ним, а теперь ее здесь ничего не держит.

– Мне очень жаль. – Банальность, но ничего другого на ум не приходило. Спрятавшись за собственной бедой, он разучился соболезновать чужой беде.

Виктор появился, когда Август вымыл руки и присел к застеленному льняной скатертью столу, вошел стремительным шагом и, не замечая незваного гостя, поцеловал сначала жену, потом Анюту.

– Вот я и дома, девочки! – сказал приглушенным голосом, наверное, боясь потревожить покой той, кто была уже не в силах выйти к столу, и лишь потом увидел Августа.

– Мастер Берг! – в его голосе слышалось удивление пополам с радостью. Ему и в самом деле были рады, надо же... – Вы пришли.

– Я пришел. – Август пожал протянутую руку и даже попытался улыбнуться. – Нам нужно поговорить.

– Поговорим. – Виктор кивнул. – Непременно поговорим, Август Адамович, но сначала давайте поедим. Наша Ксения замечательно готовит. Вы должны непременно попробовать ее пироги с зайчатиной.

В гостиную вошла крупная, широкая в кости женщина. Судя по округлому животу, она была беременна. На ее лице была улыбка, Августу показалось, что жалостливая. Эта женщина его жалела и жалость свою не считала нужным скрывать. Наверное, раньше Август оскорбился бы, но те времена прошли. Сейчас он лишь благодарно кивнул, когда Ксения поставила перед ним дымящуюся тарелку.

Ели молча, но молчание это не казалось тягостным. Так бывает в кругу сплоченной семьи, где каждый знает о другом все самое главное, где не нужны лишние слова. Оказалось, что Август все-таки голоден, причем настолько, что не отказался от добавки, а потом и от фирменных пирогов с зайчатиной. Зайчатину принес Кайсы, Август был в этом почти уверен. Как и в том, что резная свистулька, которой похвасталась перед ним Анюта, – это тоже его рук дело. Нож Кайсы умел не только убивать, но и создавать такие вот удивительной красоты вещи. У свистульки был громкий, но мелодичный голос. От звука его Анастасия вздрогнула, погладила девочку по голове, что-то шепнула на ухо, и та, прихватив со стола пирожок, снова убежала на двор.

– Это для Теодора, – сказал Виктор с какой-то несвойственной ему лаской. – Они друзья – не разлей вода.

– Это хорошо. – Август дожевывал свой пирожок и размышлял, как рассказать этим двоим о том, что их девочке грозит опасность. Поверят ли? Должны поверить. А он должен хотя бы попытаться.

И он рассказал о визите албасты и о состоявшемся разговоре.

Поверили. По крайней мере, Виктор поверил. И это хорошо, значит, половина дела сделана, албасты будет рада. Если она вообще умеет радоваться.

– Вам нужно уехать. – Он взял последний пирожок и с сожалением посмотрел на опустевшее блюдо. – Она так сказала.

– У нас не получится. – Анастасия заговорила первой, не дожидаясь, пока муж примет решение. Евдокия тоже так делала, решала за него, за них обоих. Сердце засбоило, и захотелось выпить. Интересно, если попросить, нальют? Не нальют, их жалость иного рода, они не станут помогать ему в саморазрушении. – Анечке нельзя уезжать далеко от озера. К тому же моя бабушка тяжело больна. Она при смерти. – Анастасия не всхлипывала, не заламывала руки, но говорила так, что сразу становилось ясно, как сильно она любит свою бабушку. – Доктор сказал, она не перенесет дорогу. Понимаете?

Он понимал. Ну что же, свое дело он сделал, обещание сдержал. Можно уходить. Вот только уходить никуда не хочется. Этот дом околдовал его, взял в плен, заманив покоем и пирогами с зайчиной. Или не дом, а люди, в нем обитающие? Живые, настоящие, не разочаровавшиеся улыбаться, несмотря ни на что?

– Я думаю... – Август прикрыл ладонью пятно на рубахе, одно из бесчисленных пятен, – что можно отвезти девочку в Пермь. Она сказала, что озеро ее отпустит, что серебро в ее крови спит и, возможно, вообще никогда не отзовется. И я склонен ей верить. Она пытается помочь.

Он тоже пытался помочь, пусть неуклюже, как получалось.

– Я могу поехать с Анечкой. – Ксения вопросительно посмотрела на Виктора. – Я присмотрю за ней, пока тут... – она вздохнула, – все не решится. А вы с Трофимом можете нас навещать, – добавила она и погладила себя по животу.

Обратно на остров его в тот день так и не отпустили. Нашлась тысяча причин, чтобы Август остался в этом гостеприимном доме. И он остался, позволил себе маленькую человеческую слабость.

Они сидели под старой яблоней, распаренные, разомлевшие после истопленного Трофимом бани, когда Виктор заговорил о том, о чем не хотел говорить при Анастасии.

– В городе ходят слухи, что Злотников возвращается и собирается обосноваться на Стражемом Камне.

– Хорошо. – Август отодвинул кружку с холодным квасом, улыбнулся и, не глядя на Виктора, сказал: – А я уж думал, что не дождусь.

– Не отступитесь?

– А ты отступил бы? – Все-таки на Виктора он посмотрел. Мальчишка, ошалевший от любви и потому глупый и беспомощный в своем счастье. Берг и сам был таким всего каких-то полгода назад – глупым и счастливым. И теперь он знает, как легко можно все потерять. А Виктору есть что терять, у него жена, ее бабушка, Анечка, Трофим с Ксенией и мальчонка, имя которого Август все никак не мог запомнить. Собака вот...

Дог, лежащий у ног Виктора, словно почуял мысли Августа, вскинулся, посмотрел внимательным взглядом.

– Отступил бы? – повторил Август свой вопрос.

– Не знаю. Я, честно сказать, даже думать о таком боюсь.

Бойся. Он тоже боялся, слишком уж нереальным, слишком хрупким было его нечаянное счастье. Не уберег, разбилось счастье, разлетелось на осколки, и в душе теперь вместо любви лишь черная ненависть и неживая албасты сердечной подружкой.

– И не думай, не надо тебе об этом думать. Ты вон за девочкой присматривай. Необычная эта девочка, сам понимаешь. Хорошо, что защитников у нее теперь много. Ты, Трофим твой. Да и Кайсы, как я посмотрю, за внучку любому горло перегрызет. Преставится графиня, и вы уезжайте. Незачем вам себя в этой глуши хоронить. Нет для тебя больше в Чернокаменске занятий. Маяк давно готов, службу свою он сослужил... – Август замолчал, из хлебного мякиша принялся лепить маячную башню. Получалось красиво.

Виктор тоже молчал, гладил по голове пса, и тот блаженно щурился от хозяйской ласки.

– Ты не знаешь, какой человек Злотников. – Август поставил хлебную башню на стол рядом с наполненным квасом кувшином. – Сиротка по сравнению с ним младенец. Ни тебя, ни Настю твою он из Чернокаменска не отпустит. Он чужое счастье чувствует лучше, чем иные волки кровь. А если про девочку узнает...

– За Анечкой я присмотрю. Я за вас переживаю, мастер Берг. Вы себя убиваете...

– Не бойся, Витя, до смерти мне еще далеко. Или ты про пьянство мое? – Замок из хлебного мякиша получился таким же красивым, как и башня.

– И про пьянство тоже. Нельзя так, Август Адамович. Евдокия Тихоновна бы не одобрила.

– Евдокия многое бы не одобрила из моей нынешней жизни.

– Так живите по-другому.

Легко давать советы, когда у самого все хорошо, да только не стоят такие советы ничтошеньки. И Виктор понял, опустил виновато голову, словно извиняясь за собственное счастье.

– Себя не вини. – Август поставил замок рядом с башней. – Я взрослый давно. Видишь, даже лысина имеется. – Он погладил себя по изрядно поредевшей макушке. – Знаю, что делаю. А что пью... так мне сейчас, Витя, что водка, что водица ключевая – все едино. Не хмелею я. Веришь? – Он поднял глаза на Виктора.

– Верю. – Тот кивнул и тут же спросил: – Это из-за серебра? Я себя теперь как-то иначе чувствую. Сильнее, здоровее. Перелом у меня какой был, а сейчас даже не хромаю. Из-за серебра?

– Из-за него. – Август покрутил кольцо – тусклое, серое, на безымянном пальце. Точно обручальное. С кем оно его связало? С не-живой албасты?

– Это ведь Тайбека кольцо.

– Его.

– Она поэтому к вам пришла? Из-за кольца? – Говорить об албасты Виктору было тяжело. Вон даже кулаки сжал. Видать, свежа в памяти та встреча с Айви, с темной ее половиной.

– Отчасти поэтому. – Про серебряную чешую, спрятанную в надежном тайнике под восточной башней, Август рассказывать не стал. Теперь это его тайна и его крест. Незачем мальчишку тревожить. – Прощальный подарок от Тайбека.

– Август Адамович, вы сказали, она для Анечки опасна, а для вас?

Вот и задал вопрос, который его мучил. Беспокоится? Неужто в этом мире кому-то еще есть дело до Августа Берга? По всему выходило, что есть. Только отчего-то легче не становилось.

– Она сильная. – Август посмотрел на свою ладонь. Как и обещала албасты, рана, оставленная ее когтем, загноилась. – Она может сдерживать свои... порывы. Обещала не убивать. – Он усмехнулся. – Я для нее теперь вместо Тайбека. Сердечный друг...

Август сгреб со стола и башню, и замок, бросил псу. Тот поймал угощение на лету, щелкнул мощными челюстями и снова улегся у ног Виктора. Августу вдруг подумалось, что неплохо бы и ему завести какую-нибудь зверюгу. Просто чтобы было с кем разговаривать долгими ночами.

Стоило подумать, и зверюга нашлась. Ее принесла в подоле платица Анечка.

– Дядя Август, возьмите котеночка, – предложила строго, по-взрослому. – Последний остался, самый красивый и самый умный.

Красивым котенок не был: большеголовый, лопухий, какого-то невразумительного, покуриному пестрого окраса, с гноящимися глазами.

– Кошка ушла и не вернулась, – объяснил Виктор, забирая у Анечки котенка. – Настя с Ксюшей малышей выходили и раздали, а эта красotka никому не приглянулась.

Красotka сидела смиренно, не вздрогнула, даже когда пес ткнулся носом ей в бок. Смелая.

– А возьму я вашего зверя! – сказал Август, сам дивясь такой безрассудности. Куда ему котенок, считай, дите малое, когда он и с собственной-то судьбой управиться не может! Его ж кормить нужно, лечить... Есть еще возможность отказаться от собственных слов.

Нет, нету уже такой возможности. Анечка обрадовалась, засияла вся и котенка у Виктора забрала, но лишь затем, чтобы передать его Августу.

– Это девочка, – добавила доверительным шепотом. – Она будет вас любить сильно-сильно.

Кошечка выпустила коготки и спинку выгнула под Августовой ладонью, а из тощей ее утробы послышалось неожиданно громкое урчание.

– Вы ей понравились, – заключила Анечка. – Видите?

Скорее, чувствует. Мелкие бусины позвонков, тонкие ребра, обтянутые такой же тонкой шкурой, размеренный рокот и частое биение маленького сердца. Слишком хрупкое, бесполезное существо, за которым теперь придется приглядывать. Но досады нет. И злости тоже. Лишь легкое недоумение оттого, что он согласился.

– Нянька из меня плохая. – Август почесал кошку за ухом. – Сбежишь – искать не стану.

– Она не сбежит, – пообещала Анечка, и отчего-то сразу стало ясно – не сбежит, поселится на маяке, обживется, почувствует себя хозяйкой всему. И Августу в том числе. Станет ловить мышей, но не с голодухи, а чтобы он знал, что она умеет присматривать за хозяйством, что и сама она хозяйка хоть куда, даром что такая неказистая.

Спать в дом Август не пошел, хоть Анастасия и настаивала, улегся в сарае, на свежескошенном, сладко пахнущем сене. И кошка легла рядом, потопталась на льняной простыне, а потом перебралась на живот к обретенному хозяину, выпустила коготки, но не сильно, а так, чтобы не вздумал сбросить, замурлыкала. Под это мерное мурлыканье Август заснул и спал так крепко, как не спал уже много дней.

* * *

Когда на следующий день Берг вернулся на маяк, оказалось, его остров, доселе тихий, практически необитаемый, заполнили люди. Шумные, гомонливые, они нарушили установившийся порядок вещей, потревожили покой и острова, и Августа. Значит, не вдали слухи – Злотников возвращается, и к его появлению готовятся, убирают в замке и округе, наводят лоск.

Люди все еще боялись острова, считали его дурным местом, на Августа смотрели как на блаженного, кто с жалостью, кто с отвращением, не могли понять, как можно жить здесь, как можно *так* жить. Но озеро спало. Или спала та темная сила, что притаилась на его дне? Как бы то ни было, но смерти прекратились. Почти. Полная луна еще требовала свою жертву, но жертва та была малая: утонувший городской пьянчужка, повесившийся на старой вербе калека, утопившаяся от безответной любви девица. Зло если и не ушло окончательно, то хотя бы отступило от берегов Стражевого Камня, и люди это почувствовали. Люди – это ведь те же звери, только на двух ногах, и первобытные инстинкты в них все еще сильны, даром что на дворе уже конец девятнадцатого века.

Кошка затаилась за пазухой у Августа, впилась острыми коготками в живот, не пыталась ни выглянуть наружу, ни сбежать. Если бы попыталась, Август ее не держал бы, но кошка ему досталась умная и острожная, даром что такая никчемная на вид. На берегу острова дремали лодки. Он насчитал пять штук. Горло сдавила злость на чужаков, посмевших нарушить его покой, но Август себя одернул. Пускай! Люди – не помеха, а всего лишь вестники грядущих перемен, с их суетливым присутствием можно смириться. Ведь жил же он раньше среди людей.

Не опасаясь промочить ноги, Берг спрыгнул в воду, вытащил лодку на берег, прихватил приготовленную Анастасией корзинку с гостинцами и зашагал к маяку. В башне царили полумрак и прохлада. Даже в самый солнечный день на нижних этажах было сумрачно, а что

делается наверху, на смотровой площадке, Август не знал. Он не поднимался туда с той самой переломной ночи. И в подземелье тоже больше не спускался. Завис между небом и землей, невидимыми цепями приковал себя к перестроенной под кабинет комнатухе, в которой было все самое необходимое для отшельнической жизни: очаг, рабочий стол, шкаф с книгами и чертежами, грубо сколоченный лежак с набитым сеном тюфяком и покрывалом из звериных шкур. Покрывало принес Кайсы. Наверное. Август не помнил точно, но кто еще, кроме Кайсы?

Кошку из-за пазухи он доставал бережно, ощущая, как дрожит под пальцами тощее тельце. Уйдет, подумалось вдруг с тоской. Звери чувствуют зло острее людей. Пускай зло уснуло, но тень его все еще лежит серым пологом и на острове, и на маяке, и на замке, и, надо думать, на самом Августе тоже.

Не ушла – забилась в складки мехового полога, так, что только глаза видны, смотрит внимательно, настороженно, но бежать не пытается, хотя дверь открыта, Август специально не стал ее закрывать, оставляя путь к отступлению и себе, и зверюге.

– Голодная, небось? – спросил он и удивился, как глухо, незнакомо в стенах башни звучит его голос.

Кошка не ответила, лишь раздраженно дернула лопухими ушами, но Августу и не требовался ответ, он и без того знал, что доставшаяся ему зверюга вечно голодна. В корзине с гостинцами нашлась большая бутылка с молоком. Август плеснул его в найденную в завалах грязной посуды плошку и поставил перед лежаком. Себе налил тоже, прямо в граненый стакан, который до сих пор пах самогоном. А и пусть! Выходить из маяка за водой не хотелось. Все в той же корзине обнаружились фирменные пироги Ксении. Наверное, свежих напекла, специально для Августа. Он впился зубами в пирог, сделал большой глоток молока и зажмурился. Вкусно! Почти как раньше, когда он еще был не сумасшедшим отшельником, а нормальным человеком, когда еще помнил, какая жизнь на вкус, и умел этой жизнью наслаждаться.

– Есть иди, – сказал, не открывая глаз, и услышал не то шелест, не то шорох.

Кошку не пришлось звать дважды, она спрыгнула с лежака, осторожно, словно опасаясь подвоха, подошла к плошке, понюхала молоко, фыркнула. Может, в плошке тоже когда-то раньше был самогон? Август не помнил.

– Ничего, – сказал раздраженно, – и так сойдет. Чай, мы с тобой не बारे.

Кошка согласилась, что они не बारे, и принялась лакать молоко, сначала осторожно, а потом уже и с жадностью.

– Это теперь твой дом. Не хоромы, конечно, но уж как есть. Мыши тут водятся. И птицы разные гнездятся. Так что, если не будешь лениться, с голоду не помрешь. – Август жевал пирог с зайчатинной и говорил с набитым ртом. – А на меня не надейся. На меня нынче надежды никакой. Поняла?

Кошка ничего не ответила, лишь дернула тонким, облезлым хвостом. Наверное, смирилась с неизбежным. Хорошо ей, вот сам он смириться никак не может. Не оттого ли и не остался в башне, как планировал, а, сунув гостинцы в шкаф с книгами, подальше от мышей и зверюги, вышел на полуденный солнцепек.

Солнце палило нещадно, так, что чистая, выстиранная и выглаженная рубаха почти сразу же пропиталась потом и прилипла к спине. Но жара не доставляла таких мучений, как раньше, лишь легкое неудобство. А в былые времена, помнится, Август жару ненавидел, сердце забивалось, как от быстрого бега, и виски начинало ломить невыносимо. В такие дни он предпочитал отсиживаться в прохладе дома, во двор без лишней надобности не выходил. Еще и хандрил к тому же, словно не было в его жизни большего горя, чем какая-то там жара. Не знал он, глупец, тогда еще, какое горе на самом деле.

А окрестности замка изменились. На этот берег острова Август давно не заглядывал, не интересовался дальнейшей судьбой своего детища, думал, что и остальные не интересуются. Оказалось, ошибался. Определенно, теперь дом был готов не просто для жизни, а для

очень комфортной жизни. У него имелось два лица, два фасада. Суровое, с грубыми, четкими линиями, присущими замковой архитектуре, смотрело на озеро сквозь узкие прорези окон, нависало громадой восточной башни над самой водой. И притворяющиеся спящими горгульи пристально всматривались в свое отражение. Любовались? Ужасались? К воде же вела мошеничная камнем дорожка, достаточно широкая, чтобы по ней можно было прогуливаться парой. Дорожка вилась между вековыми соснами и упиралась в дощатую пристань. В тени дома прятался колодец, который не решились засыпать, но облагородили новой каменной кладкой и укрыли от посторонних глаз деревянным навесом. Хорошо, что колодец цел, уж больно вкусная в нем вода.

Парадное лицо дома было иным, аристократичным и обманчиво приветливым. Гостям ли, хозяевам ли виделось широкое крыльцо с девятью низкими ступенями, портик с похожими на черные витые свечи колоннами и гостеприимно распахнутая дверь. Неведомый садовник разбил перед крыльцом клумбы, а совершенно бесполезную, ведущую в никуда подъездную аллею обсадил кленами и украсил изящными коваными беседками.

Дом получился прекрасным и уродливым одновременно. Августу удалось создать архитектурную химеру – наполовину замок, наполовину дворец. И химера эта была плотью от плоти острова. Стражей Камень признал ее и принял в свое лоно. А вот Август принять не мог. Восхищался, удивлялся, испытывал горечь пополам с отвращением, но гордиться так, как гордился своими башнями, не получалось. Было в замке что-то темное, темнее его графитово-черных стен и похожих на оплывшие свечи колонн. И даже яркий солнечный свет не мог рассеять эту черноту. Каменная химера еще спала, но сон ее уже сделался зыбким. Августу не хотелось думать, что станет с теми, кто окажется в ловушке ее стен, когда химера окончательно проснется.

Август вошел в дом со стороны озера. Это лицо, лишненное украшений и придуманных людьми финтифлюшек, казалось ему честнее лица парадного. Внутри было сумрачно и гулко. Разбуженное эхо разносило по бесчисленным комнатам громкие людские голоса и звуки работающих инструментов. Где-то наверху что-то пилили, забивали, двигали мебель, тревожа покой дома. Мебели было много. Наверное, ее переправили на остров, когда Август был в запое. Как и дубовые шпалеры, гобелены и вот эти уродливые, потемневшие от времени рыцарские доспехи, похожие на скелет доисторического чудовища. Кто-то решил, что замку непременно нужны мертвые рыцари? Пускай, это больше не дело Августа Берга. По большому счету он даже не знает, зачем пришел в этот спящий дом.

– Мастер Берг, надо полагать? – скрипучий женский голос подхватило эхо, разнесло по дому, и Август не сразу понял, в какую сторону следует смотреть.

Женщина спускалась по лестнице. Высокая, на голову выше его, болезненно худая, с мышиного цвета волосами, стянутыми на затылке в такой тугий пучок, что невыразительные, пепельного оттенка глаза приобрели азиатский разрез, с длинным, похожим на птичий клюв носом, тонкими губами и безвольным, скошенным подбородком, она была поразительно некрасива. Некрасивость эта ослепляла, лишала дара речи, заставляла, забыв о приличиях, беспремонно всматриваться в лицо женщины, гадать о том, молода она или уже старуха. Пожалуй, не старуха, но и не девица. Рубеж, отделяющий юность от дряхлости, еще не пройден, но уже скоро, очень скоро...

– Вам следовало явиться многим раньше. – Женщина остановилась на предпоследней ступеньке и теперь смотрела на Августа сверху вниз. Во взгляде ее читалось холодное презрение. – Сразу, как только получили мое послание.

Послание? Не получал он никаких посланий. Или все-таки получал?

– Мне передали, что вы пьете беспробудно. – Тонкие губы скривились, и тонкие же, узловатые пальцы сжали связку ключей, висящую на поясе. – Это недостойно.

– Кого или чего, позвольте полюбопытствовать? – Август опустился в затянутое серой холстиной кресло, скрестил руки на груди. Кресло было слишком глубоким, слишком неудобным, и, чтобы чувствовать себя комфортнее, он вытянул ноги. На подошвы ботинок налипли комья грязи, тоже, наверное, очень недостойные.

– Оказанной вам чести. – Женщина не смотрела на Августа, она не сводила глаз с его ботинок, и лицо ее исказила поистине страдальческая гримаса. – Вы служите такому человеку... – А в скрипучем голосе прорезались новые, доселе неслыханные нотки. – И смеее относиться к своим обязанностям настолько пренебрежительно. Я буду вынуждена доложить Сергею Демидовичу.

Уже доложила, по глазам видно. И понятно, каким был ответ. Злотников не позволил его рассчитать. Для Злотникова он навряде диковинной зверушки, придворный художник с немалым талантом и немалой же придурью. Безобидный художник... Это хорошо, это вписывается в его планы, ради которых Берг даже согласен бросить пить. Все ж таки для того, что он намерен осуществить, голова нужна ясная.

– С кем имею честь? – спросил Август и щелкнул каблуками, стряхивая комья грязи на каменный пол.

– Что вы творите?!

– Я всего лишь поинтересовался, как вас зовут, сударыня.

– Меня зовут Эмма Витольдовна Вершинская, – в голосе женщины послышался странный акцент, не настоящий, а вымученный, этакий артистический. – Я управляющая в этом доме.

– Экономка, – уточнил Август, которого Эмма Витольдовна перестала забавлять и начала утомлять.

– Управляющая! – Связка с ключами многозначительно и раздраженно брякнула. – И в отсутствие хозяина в этом доме все подчиняются мне!

– Третья. – Август почесал подмышку.

– Что значит – третья? – Если Эмма Витольдовна и собиралась спуститься с лестницы, то передумала окончательно. Наверняка Август виделся ей этаким диким существом, неотесанным и, ко всему прочему, возможно, блохастым.

– Первого управляющего рассчитали, а второго, поговаривают, и вовсе убили. Вы, стало быть, третья. Не боитесь, пани Вершинская?

Не боится. Свято верит в своего драгоценного хозяина и в собственные силы. Сиротка тоже верил. Разуверился лишь, когда оказался в когтях албасты. От этих воспоминаний собственные раны Августа открылись, и на свежевыстиранной рубахе проступили кровавые следы.

– Мерзость. – Эмма Витольдовна поднесла к длинному носу белоснежный платочек. – У вас там... кровь.

– На этом острове можно увидеть всякое. – Август пожал плечами. – Вам следует привыкнуть к виду крови, если вы и дальше собираетесь служить Сергею Демидовичу. Вокруг него, знаете ли, подобные казусы происходят довольно часто.

Не поверила. И платочек от носа отняла, посмотрела пристально, холодным змеиным взглядом.

– Не забывайтесь, мастер Берг. Место фаворита, как правило, очень шатко.

– Жаждете его занять? Или, скорее, место не фаворита, а фаворитки?

Он попал. Не в бровь, а в глаз попал, пани Вершинская дернулась, словно от пощечины, и даже ладонь к щеке прижала. А щека осталась по-прежнему бледной, змеи ведь не умеют краснеть.

– Сергей Демидович прибудет через три дня. – В руки она себя взяла очень быстро и даже изобразила подобие улыбки. – Вам, как и остальным... – она сделала многозначительную паузу, – слугам, надлежит явиться в замок и присутствовать при встрече. Это приказ, и он не обсуждается!

Ну что ж, вот он и дождался, потерпеть осталось всего несколько дней. Заныло сердце, и кончики пальцев вдруг задрожали. От нетерпения. От чего же еще?

– Сергей Демидович прибудет один или с супругой? – спросил Август, вставая с кресла.

– С семьей, – ответила Эмма Витольдовна, но не сразу, а после недолгих раздумий, словно была не уверена в сказанном. – Я получила от него письмо с распоряжениями.

– Касательно меня?

– Касательно всего на этом острове. Очень... необычное место.

Наверное, она хотела сказать «отвратительное», но побоялась, что Август передаст Злотникову. Остров ей не нравился, как и дом-химера, спроектированный по приказу хозяина. Где она провела молодость? Где нашел ее Злотников? Чем она, такая некрасивая, такая сухая, привлекла его внимание? Злотников любил красивых женщин. Мари Кутасова не в счет. Мари для него не женщина, а объект сделки.

– Я родилась в Варшаве. – Она сказала это так, словно один только факт рождения делал ее на голову выше всех остальных. – В моих жилах течет дворянская кровь, род Вершинских – очень древний род.

И ко всему прочему обнищавший, коль уж вельможная панночка со всем ее шляхетским гонором пошла в услужение к какому-то богатому мужлану. Вот и платье на ней не просто скучное, но явно дешевое, по подолу так даже и латаное. Эмма Витольдовна поймала взгляд Августа и все-таки покраснела. Румянец ее был не смущенный, а злой. Август понял, такое унижение пани Вершинская ему не простит ни за что. Да и бог с ней.

– Варшава красивый город. Я бывал там в юности.

– Меня не интересует, где вы бывали, мастер Берг. Меня волнует лишь одно, на встречу с Сергеем Демидовичем вы должны явиться трезвым и опрятным, а не вот таким, как сейчас.

Румянец сменила привычная для пани Вершинской бледность, по всему видать, аристократическая.

– Я трезв. – Август потрогал дубовую шпалеру, и Эмма Витольдовна скривилась, словно прикоснулся он не к дереву, а к ней, и прикосновением этим очень сильно оскорбил. – А что касается опрятности, это уж как получится. Обещать ничего не могу. Всего доброго! – Он отвесил шутовской поклон и вышел из дома, аккуратно прикрыв за собой дверь. Дом не виноват, что в нем поселилась пани Вершинская. Дом не знает, что его ждет. Или знает и готовится к встрече?

Албасты сидела на его лежаке, а кошка игралась с кончиком ее косы. Идиллическая картинка, если разобраться.

– Не знал, что животные тебя не боятся. – Август устало опустился на стул, стянул рубаху, осмотрел открывшиеся на плече раны.

– Обычно боятся. – Кончик косы дернулся, отползая от кошки, и та, выпустив когти, накрыла его лапой. – Этот котенок необычный. – Албасты осторожно, словно опасаясь причинить вред, погладила кошку по голове. Та прижала уши, но ни убежать, ни отпустить добычу не спешила, смотрела на албасты, щурилась. – От него пахнет девочкой. Моей девочкой.

– Это подарок. Анечка подарила мне... это.

– Кошку.

– Кошку. Сказала, что она очень умная и станет меня любить.

– Она и в самом деле умная. – Албасты отняла косу, перебросила через плечо, но та соскользнула обратно, снова потянулась к кошке. – А что касается любви... не знаю. Любовь приносит одни лишь страдания.

С этим Август был готов согласиться. Сначала счастье, а потом страдания. Так и есть.

– Ты поговорил с ними?

– Поговорил. – Август достал приготовленную Ксенией свежую рубаху, надел. – Сегодня же Анечку отвезут в Пермь. Ты же не дотянешься до Перми?

Понимает ли албасты, о чем он говорит, знает ли, что это за город такой – Пермь? Август принялся мысленно подсчитывать версты, когда она сказала:

– Без зеркал и твоей помощи не доберусь. Я привязана к озеру, далеко от него мне не уйти. А ты был сегодня в доме.

Не вопрос, а констатация факта. На острове от глаз албасты не спрятаться. Там, где есть вода, там есть и она, а вода тут кругом. И даже снизу.

– Он возвращается.

– Хорошо. Ты ведь этого и ждал.

Ждал, а теперь вот думает, хватит ли у него отчаяния и решимости свершить правосудие.

– Я могу помочь, только скажи. – Албасты переместилась, оказалась рядом с Августом, так близко, что от исходящего от нее холода он снова стал замерзать. Она не изменилась, не перекинулась из девицы в старуху, но это не имело значения, холод никуда не делся. Как и страх. Не тот парализующий, от которого сердце перестает биться, а привычный, как ноющая зубная боль. К боли тоже можно привыкнуть.

– Злотников – мой. – Он покачал головой. – Ты знаешь, в моей жизни больше не осталось радости.

– Она будет длинной, твоя безрадостная жизнь. – Кончик серебряной косы, которой еще минуту назад игрался котенок, погладил Августа по щеке. Прикосновение было... скользким, неприятным, но вполне терпимым. Оказывается, к нежити тоже можно привыкнуть. – Те, кто отмечен серебром, обычно живут долго, дольше обычных людей.

– Значит, мне некуда спешить. – Он улыбнулся, и албасты улыбнулась в ответ, обнажая острые зубы. – Я хочу, чтобы он мучился. Чтобы все они мучились.

– Так и будет, человек. Я чувствую твою боль и твою ярость, я помогу. Если попросишь.

– Злотников мой, – повторил он с нажимом.

– Я найду себе другие забавы. – Албасты качнулась и вдруг очутилась снова на лежаке. – Скоро на острове будет очень много людей.

– Ты не должна их убивать.

– Почему?

Прежний Август сказал бы, что убивать людей плохо, но Август нынешний произнес другое:

– Потому что, если начнут погибать люди, Злотников испугается и убежит с острова.

– А если люди станут всего лишь исчезать? – Албасты снова улыбнулась, на сей раз улыбка ее была снисходительной. – Ты слишком плохо обо мне думаешь, человек. Я не живу уже так долго, что научилась справляться со своими желаниями.

– Но Анечка...

– Я не хочу рисковать. Это не случайный человек, это *моя* девочка, плоть от плоти, кровь от крови. И зов крови очень силен. Для такой, как я, это настоящее проклятье. Айви знала. Девочка должна подрасти прежде, чем я смогу с ней встретиться. А пока она растет, мы с тобой можем развлечься. Все-таки какая удивительная кошка! – Албасты обернулась, посмотрела на котенка. – Она меня не боится.

– А должна?

– Крысы боятся. – Албасты пожала плечами. – И волки тоже.

– А птицы?

– Птицы – это другое. Птицы провожают души в Нижний Мир, им незачем бояться таких, как я.

* * *

Ко встрече со Злотниковым Август подготовился. Не пил, чтобы не утратить ясность мышления, чтобы не глушить терзающую душу боль, а, наоборот, заточить до остроты клинка. Специально переодеваться не стал, надел рубаху, на которой уже появились свежие пятна. Сумасшедшему гению довлены слабости. Перед тем как отправиться к замку, подошел к памятнику. Каменная Евдокия стояла над самым обрывом, скрестив руки на груди, смотрела в небо и улыбалась. Улыбка ей очень шла, делала еще моложе, еще красивее.

– Уже скоро, Дуня. – Август погладил каменную ладонь. – Сегодня он возвращается. Я знаю, ты бы не одобрила, но я так не могу. Нет в моей жизни больше никакого смысла. И, знаешь, я никогда не стану таким, какой была ты. Жертвенность не в моей натуре, любимая.

К каменным ногам он положил цветы, синенькие вперемешку с беленькими. Евдокия их любила и даже рассказывала Августу, как они называются, но он не запомнил. Тогда это казалось ему неважным.

А замок тем временем уже был готов к встрече с хозяином. На пристани шеренгой выстроились слуги. Август насчитал десять человек во главе с Эммой Витольдовной. По такому торжественному случаю пани Вершинская сменила скучное серое платье на не менее скучное коричневое, но с кружевным воротом, и стала похожа на престарелую гимназистку. На Августа она посмотрела сквозь презрительный прищур, едва заметно кивнула и поманила пальцем. Становиться в общий строй он не стал – не дождутся! – остановился у одной из сосен, привалился спиной к ее шершавому, нагретому солнцем стволу, запрокинул лицо. В переплетении ветвей было видно небо, а стоило опустить голову чуть ниже, и взгляду представала свинцово-серая, идущая мелкой рябью вода озера и черной кляксой на горизонте корабль, видать, Злотников побрезговал лодками.

Сердце забилося быстрее, засбоило, и дышать стало тяжело. Август расправил плечи, заставил себя успокоиться. К этой встрече он готовился много месяцев и не допустит ни единой ошибки. Если придется, станет унижаться, просить своего врага о милости, лишь бы Злотников оставил его на острове.

Пани Вершинская тоже смотрела вдаль, козырьком приложив ко лбу узкую ладонь. Поза ее выражала нетерпение.

– ...Она сказала, будет весело, – послышался за спиной хриплый голос.

Август обернулся, рядом, всего в шаге от него, стоял юродивый Гришка, мял в огромных лапищах картуз. Он так же, как и сам Август, прикипел к острову, сделался его частью. Гришку пробовали гнать, но он всегда возвращался, и к его молчаливому присутствию привыкли, нагружали черновой работой, подкармливали.

– Экономка? – спросил Август, думая о своем.

– Ведьма. – Гришка мотнул головой. – Она сказала, что змей уснул и на острове теперь будет много людей.

Значит, ведьма. Албасты нашла себе еще одного собеседника. Или жертву? Август Гришку не любил, помнил, каким тот был в прошлом, при Сиротке, но и смерти юродивому не желал. Тот уже поплатился сполна за все свои прегрешения, собственным разумом поплатился.

– А она, – Гришка указал подбородком в сторону экономки, – злая. Не пускает меня на пристань. Всех пускает, а меня нет. – Он тяжело вздохнул и надел картуз на голову. Получилось кособоко.

Корабль приближался стремительно, и Август подумал, что, по всей вероятности, Злотников купил себе теплоход. Наверное, обтесался в европах, приобщился к прогрессу. А когда денег много, отчего же не заплатить за прогресс? На пристани засуетились, из одной шеренги перестроились в две, а Эмма Витольдовна подошла так близко к краю, что еще шаг и свалилась

бы в воду, но ее озеро не пугало, беспорядок и отсутствие дисциплины беспокоили ее куда сильнее.

Корабль оказался паровым катером. Небольшой, юркий, с белоснежными бортами и валящим из трубы сизым дымом, он был чужд и острову, и озеру. Не оттого ли озеро злилось, морщилося, билось волнами о каменный берег? Августу стало интересно, так интересно, что вслед за зачарованно улыбающимся Гришкой он подошел к самой пристани. На борту катера густой черной краской было выведено «Счастливчик». Похоже, Злотников все еще считал себя баловнем судьбы. Приблизившись к пристани почти вплотную, «Счастливчик» приветственно загудел. Громкий голос его спугнул с деревьев стаю птиц, они закружили над островом, загоняли тревожно. А катер уже швартовался, и в том, с какой ловкостью капитан управляет механической монстрой, была своя магия. Мужики, согнанные на пристань, зашептались, кое-кто испуганно перекрестился, а Август подумал, что Федору бы корабль непременно понравился. Федор любил все эти технические штучки, чувствовал их механическую душу. Но его больше нет, а Августу чужая, пусть даже и механическая, душа без надобности. Он пришел по одну-единственную душу. Или не по одну?..

Злотникова Август узнал по росту и осанке. Высокий, широкоплечий, вихрастый, хозяин поместья, засучив рукава белоснежной рубахи, помогал матросам швартоваться. И по лицу его было видно, что механическая игрушка ему еще в диковинку и ужасно нравится. А лицо ведь совсем не изменилось, по-прежнему породистое, цыганисто-красивое, с белозубой улыбкой. Разве что усы отпустил и бородку, наверное, в угоду европейской моде.

Мари Кутасова стояла в сторонке, опершись о перила, она смотрела на замок, и выражение ее ставшего еще более некрасивым лица было престранное. Удивление, отвращение и страх – вот что увидел Август. Мари не желала становиться хозяйкой острова, не желала жить в доме, построенном на чужих костях и чужой крови. Уж не потому ли, что была причастна к тем смертям? Была! Евдокия в этом не сомневалась: Мари знала о всех преступлениях своего драгоценного супруга, знала и покрывала. Муж и жена – одна сатана. Вот уж точно – сатана...

Несмотря на жару, Мари куталась в шаль, кисти которой так и норовили лизнуть волны, но не дотягивались и в бессилии отступали. А она переводила взгляд с замка на мужа и кривила тонкие губы в вымученной улыбке. Не принесла ей счастья семейная жизнь, построенная на чужих слезах. Вот только поняла ли она это? Август не знал, но в самое ближайшее время собирался это выяснить.

Злотников сошел на пристань первым, и пани Вершинская шагнула ему навстречу с совершенно неподобающей экономке девичьей какой-то стремительностью. Порыв этот не остался незамеченным. Улыбка Мари сделалась презрительной. Август ее понимал, Мари удалось встретить женщину, которая была еще более некрасива, чем она сама. Не понимал он лишь одного, готова ли Мари мириться с присутствием в своем доме соперницы, пусть и такой некрасивой.

А Злотников, казалось, ничего не замечал. Едва кивнув пани Вершинской, он устремил взгляд на замок, и черные глаза мужчины вспыхнули азартным огнем. Если бы не ненависть к хозяину поместья, Август, пожалуй, почувствовал бы себя польщенным, потому что было очевидно, что каменная химера, притворяющаяся замком, Злотникова очаровала.

– Невероятно! Просто невероятно! – Он говорил по-хозяйски громко. – Я повидал многое, но это! Это превосходит все!

Он видел многое! Наверное, в Европе. Где же еще сын золотодобытчика, разбойник и убийца мог приобщиться к прекрасному, где набрался этой вальяжности и лоска, который не купить за деньги, которому многие учатся годами! Но он способный, он счастливчик, и судьба сама преподносит ему ключи от всех дверей. И пускай ключи эти всего лишь висят на поясе старой девы, цепляющейся за свои шляхетские корни, неважно. Ключи есть, и Злотников сумеет ими воспользоваться. Если ему никто не помешает...

Дождаться, пока на берег сойдет жена, Злотников не стал, отмахнувшись от пани Вершинской, не обращая внимания на притихшую прислугу, он широким шагом пошел к дому. Мари спускалась по сходням, опершись на руку немолодого, но бравого вида капитана, во взгляде ее, устремленном в спину мужа, была тоска, на замершую на причале экономку она даже не взглянула. А зря, лицо пани Вершинской стоило того, чтобы запечатлеть его на холсте, столько эмоций разом Август не видел.

А Злотников тем временем приближался. Увидев Августа, он сошел с дорожки, направился прямо к нему.

– Мастер Берг, позвольте выразить вам свое восхищение! – вот как заговорил, почти высоким штилем, и руки раскинул, словно хотел Августа обнять. Не обнял, слава богу. А то бы Август не сдержался, ударил, и все его планы пошли бы прахом. – Дом прекрасен!

– Я старался. – Он выдал из себя улыбку. Улыбка получилась неискренней, такой же вымученной, как у Мари.

– Все-таки вы гений. – Злотников, продолжая улыбаться, разглядывал его пристально, ощупывал глазами с ног до головы. Что хотел увидеть? Кого? Старого пропойцу, сломленного смертью жены? Чудаковатого гения, для которого на первом месте искусство? Как угадать? – Но выглядите вы плохо, Август Адамович. Мне писали, что вы пьете.

– Пани Вершинская, надо думать.

– Она очень строгая дама. Признаться, я сам ее иногда побаиваюсь. – Не побаивается. Забавляется, знает о ее чувствах и пользуется. Не изменился нисколько, не помогла Европа. – Ей претит подобное поведение, но вам нечего опасаться, мастер Берг. – Злотников похлопал его по плечу. – Я помню добро и умею быть благодарным.

А сам Август помнил зло. Мстить пока не научился, но непременно научится.

– Мне нравится жить на острове. В последнее время я полюбил уединение.

– Я слышал о вашем горе. Как ее звали, Елизавета?

– Евдокия. Она была моей женой.

– Найдете новую. Вы еще кавалер хоть куда, мастер Берг! У вас все впереди. Если не откажетесь от моего покровительства. – Он играл с Августом и наслаждался своей игрой. Догадывался ли, что тот знает, кто отдал Сиротке приказ? Если и догадывался, то не боялся, не принимал в расчет, забавлялся так же, как забавлялся с влюбленной экономкой.

– Не откажусь, Сергей Демидович. – Ну что же, тогда и он сыграет. О бедственном его положении известно всем в Чернокаменске, а значит, и Злотникову тоже. – Ваше покровительство нынче любому за счастье, а уж бедному архитектору и подавно.

– Кстати, об архитектуре! – Злотников уже шагнул обратно на дорожку, ему не терпелось увидеть свой новый дом. – У меня грандиозные планы касательно Чернокаменска. Дела нынче идут наипрекраснейшим образом, так что есть кое-какие задумки по строительству. Грамотный архитектор мне пригодится. Не откажетесь поучаствовать в моих прожектах, Август Адамович?

– Не откажусь. – Он направился следом, борясь с невыносимым желанием вцепиться Злотникову в глотку. Или вонзить нож в спину. Тот самый нож с костяной рукоятью, который достался ему от Тайбека.

Слишком просто, слишком легкая смерть, без мучений и осознания того, за что понесена расплата. Так не годится, он потерпит. Время есть. Пожалуй, время – это единственное, что у него осталось.

– Тогда уж не откажитесь и пообедайте с нами. Так сказать, в узком семейном кругу. – Злотников говорил, не оборачиваясь, но достаточно громко, чтобы Август мог его слышать. – А перед обедом покажете мне мои владения, проведете экскурс по замку. Я видел ваш маяк. Признаться, идея эта показалась мне блажью, но башня выглядит очень необычно. Мне

нравится. В самом деле, нравится! Надеюсь, маяк работает? Этот инженер, как его? – Он все-таки остановился, дожидаясь Августа.

– Серов. Инженер Серов. Да, он сделал все необходимое, установил линзу Френеля по последней технической моде.

Будет плохо, если Злотников заинтересуется Виктором, если вдруг захочет познакомиться. Как же они об этом не подумали?! Но Злотникова не интересовал какой-то случайный инженер, ему нравились технические новинки, навроде парового катера и линзы Френеля на маяке. И дом-химера его тоже притягивал. Пожалуй, дом интересовал его сильнее всего. Они не вошли в дом с черного хода, обошли по периметру и оказались перед парадным фасадом со всеми его колоннами, клумбами, беседками и прочими финтифлюшками.

– А вы умеете удивлять! – Злотников остановился перед домом, упер руки в бока, запрокинул голову, чтобы охватить взглядом все и сразу. – Очень... впечатляюще. Как вы назвали свое детище? – Он обернулся к Августу. – Я ведь знаю, вы даете имена всем своим творениям.

– Стражейой замок, если вам будет угодно. – Август улыбнулся чуть иронично.

– Стражейой замок. – Злотников словно смаковал это название. – А что, мне нравится! Не перестаю поражаться вашему таланту. Все-таки вы владеете какой-то магией, тайными знаниями.

Владеет. К примеру, он знает, что у дома совсем иное имя. Каменная химера, его последний нелюбимый ребенок, спит и хранит свои тайны, но когда-нибудь Злотников с ними соприкоснется, возможно, даже окажется в одном из подземелий. Всему свое время, а пока спи, химера, досматривай свои страшные сны, твое время еще не пришло.

– Надеюсь, внутри дом так же хорош, как и снаружи? – Не дожидаясь, пока перед ними раскроют дверь, Злотников потянул ручку на себя.

– Не знаю. – Август пожал плечами. – Я не занимался внутренним убранством. Вам лучше спросить у вашей экономки.

– Управляющей, – усмехнулся Злотников. – Эмма Витольдовна не любит, когда ее называют экономкой. Дворянские корни, сами понимаете.

А ведь ему льстило, что в услужении у него находится дама, в жилах которой течет пусть и изрядно разбавленная, но все же голубая кровь. Злотников всегда умел окружать себя необычными вещами и необычными людьми. А если люди отказывались подчиняться, он их убивал.

– Но вкусу ее я доверяю. В крайнем случае домом займется Мари. Ей ведь нужно чем-то заниматься. К моему величайшему огорчению, Мари нездорова. Ее болезнь – одна из причин, по которой мы задержались за границей. Депрессия, знаете ли. А по мне, так обычная бабья дурь.

Это прозвучало резко. Слова без позолоты, обнажающие истинную суть. Интересно, он бьет жену? Или опасается испортить репутацию? Репутация нынче дорогого стоит, и проще потерпеть нытье нелюбимой женщины, чем навлечь на себя осуждение общества.

– Мне кажется, ваша супруга не рада возвращению на родину.

– Моя супруга не рада возвращению на Стражейой Камень. У нее есть некоторое предубеждение против острова. – Злотников посмотрел на архитектора в упор, взглядом ясно давая понять, что уж он-то ничего не боится и ничего не забыл.

Август отступил на шаг, почти отшатнулся, как того требовали правила игры, принялся оттирать с рубашки невыводимое пятно. Он ничтожество, потерявшее все, оставшееся без дома, без репутации, без жены и друзей, без гроша за душой. Ему только и остается, что пресмыкаться перед тем, кто считает себя благодетелем, уповать на его милосердие. Так думает Злотников, а если еще не думает, то нужно заставить его поверить в то, что он, Август, ничтожество и есть – сломленное и неопасное.

Уже в самом замке, в просторном и гулком холле, их догнали остальные. Мари вошла, опираясь на руку едва заметно прихрамывающего капитана. Следом, нервно позвякивая клю-

чами, появилась пани Вершинская. Если и раньше она не отличалась красотой и изяществом, то нынешние заботы сделали ее и вовсе уродиной. Лыдый взгляд ее теплел лишь, когда оставался на Злотникове. А в дверях тем временем образовалась некоторая сумятица, слуги вносили багаж. Чемоданам, саквояжам и коробкам, казалось, не будет числа. Они выстраивались вдоль стен и грозили заполнить собой весь холл. Злотников смотрел на происходящее с насмешливой презрительностью.

– За границей моя дражайшая супруга пристрастилась к ненужным тратам, – сказал он не слишком громко, но так, что Мари все равно услышала. Ее щека дернулась, а пальцы, которыми она вцепилась в рукав капитанского кителя, побелели.

– Что же еще остается делать бедной женщине, когда ее муж настолько занят, что не может уделить ей ни минутки времени? – за светской улыбкой Мари скрывались боль и злость, а голос дрожал от обиды.

Седовласый капитан смущенно хмыкнул, успокаивающе погладил ее ладонь. Было видно, что своей нынешней ролью он тяготеет и, будь на то его воля, давно сбежал бы обратно на корабль. А Злотников, похоже, давно уже привык к семейным пикировкам и супругу свою не удостоил даже взглядом. Стерпеть такое своенравной Мари было тяжело, но она стерпела, а желчь свою предпочла излить на человека постороннего, коим и оказался Август.

– Мастер Берг! – Она отцепилась от руки капитана, и тот вздохнул с явным облегчением. – Не ожидала вас снова увидеть!

Зло зацокали каблучки по каменным плитам холла, и Мари остановилась перед Августом.

– Отчего же? – спросил он с улыбкой, рассеянной и одновременно глуповатой.

– Слыхала, вашу женушку пристрелили. Думала, вы уже спились с горя.

Она хотела не просто оскорбить, она хотела сделать больно. Но больнее, чем есть, ему уже быть не могло, а оскорбления его давно перестали волновать.

– Моя любимая супруга погибла от рук разбойников и негодяев, – сказал он сдержанно. – Я скорблю, вы правы, но сам умирать не спешу. А то, что к зеленому змию пристрастие имею... – Он развел руками. – Что есть, то есть.

– И что вы делаете в моем доме? – Мари не желала сдаваться и отступить.

– А я, пожалуй, и сам не знаю. – Он пожал плечами.

– Место прислуги в людской или на кухне. – Щека Мари дергалась все сильнее и сильнее.

– Дорогая. – Злотников шагнул к жене, сжал ее локоть. Надо полагать, сжал сильно, потому что Мари поморщилась от боли, но высвободить руку не попыталась. – На этом острове и в этом доме я решаю, кто гость, а кто прислуга. – Он говорил вежливо, даже ласково, но Мари испугалась, побледнела. – Ты меня понимаешь?

– Понимаю. – Жалкая улыбка и кивок, а во взгляде – злость, но не на мужа, а на того, кто стал причиной этой некрасивой сцены.

Август не злорадствовал и не радовался, понимал, Злотников не за него заступился, а лишний раз продемонстрировал власть над островом и его обитателями. Вот только он ошибается, не все обитатели Стражевого Камня так же покладисты, как Мари.

Возникшую неловкую паузу нарушила пани Вершинская.

– Сергей Демидович, – сказала она, заглядывая в глаза Злотникову, – вы желаете отдохнуть с дороги или я могу показать вам ваши владения?

А она умела подбирать правильные слова. Слово «владения» Злотникову понравилось, видимо, он уже представлял себя таким средневековым феодалом. И откуда в нем эта тяга к пошлону, театральному?

– Показывайте, Эмма Витольдовна! – сказал он благосклонно и выпустил руку Мари. – Отдых подождет. А если кто-то устал с дороги, так я того не держу.

Мари гордо выпрямила спину, вздернула подбородок, демонстрируя окружающим свое нежелание отдыхать. Но экскурсию по замку пришлось отложить: на сцене появились новые действующие лица. В холл вошла крупная женщина с чертами лица, более подходящими мужчине, чем даме. Судя по недорогой, без изысков одежде, была она не гостьей, а скорее кем-то из свиты. Но этот вопрос волновал Августа мало, его внимание привлек ребенок, которого дама крепко держала за руку.

Мальчик лет семи, черноволосый, смуглявый, настолько худой, что худобу эту не мог скрыть дорогой, но все равно неловко сидящий костюм. На мир и окружающих его людей мальчонка смотрел исподлобья, совершенно взрослым, волчьим каким-то взглядом. И мир отвечал ему взаимностью. Женщина, которая, по всей видимости, была нянькой, сжимала тонкое запястье с такой силой, что у мальчика посинели ногти на пальцах. Эмма Витольдовна смотрела на него с изумлением, и изумление это было так велико, что она даже не попыталась его скрыть. Мари же скривила губы, словно увидела что-то невыносимо мерзкое, даже платочек к носу поднесла. На Злотникова она бросила взгляд, полный немого укора, но тот недовольства супруги не заметил, он не сводил глаз с мальчонки, и во взгляде его тоже было отвращение, но иного рода. К нему примешивалась досада и раздражение.

– Насилушла. – Нянька заговорила грубым голосом, почти басом. – Спрятался. – На подопечного своего она даже не смотрела, но держала крепко.

– Зачем этот цирк, Сергей? – В отличие от няньки, Мари не басыла, говорила очень тихо, едва слышно. – Убери его, умоляю.

А ведь и вправду умоляла, неприятен ей был этот странный, диковатый мальчуган, настолько похожий на Злотникова, что не оставалось никаких сомнений в их родстве. Как не было никаких сомнений и в том, что Мари не имеет отношения к появлению этого ребенка на свет. Очень интересно.

– Мы уже все решили, Мари. Он останется на острове.

– Он ублюдок! – не сдержалась, выкрикнула грязное слово, и его подхватило эхо, разнесло по замку.

Ублюдок... Ублюдок... Ублюдок... Хозяин привел в дом ублюдка...

– Замолчи, – процедил Злотников сквозь стиснутые зубы и, обернувшись к экономке, сказал: – Эмма Витольдовна, покажите моей супруге ее комнату. Думаю, ей все-таки стоит отдохнуть с дороги.

Мари хотела было возразить, но не посмела, лишь бросила на мальчонку полный ненависти взгляд и направилась к лестнице, ведущей на второй этаж, даже не стала дожидаться экономку. А Злотников подошел к ребенку, остановился напротив, засунув руки глубоко в карманы брюк, смотрел сверху вниз. Парнишка смотрел на носки своих новых, но уже изрядно запыленных башмаков.

– Теперь ты будешь жить здесь, Илья. Ясно?

Мальчонка ничего не ответил, даже взгляда не поднял.

– Раиса, он немой или слабоумный? – Лицо Злотникова наливалось краской.

Нянька Раиса пожала плечами:

– Всю дорогу молчал, Сергей Демидович. Может, и не немой, но я склонна думать, что все это происходит от дурного воспитания.

– От дурного воспитания, говорите? – Двумя пальцами Злотников сдавил подбородок мальчонки, потянул вверх, заставляя поднять голову и посмотреть в глаза. – Главное, чтобы не от дурной крови. С воспитанием мы как-нибудь разберемся.

– Я хочу к мамке. – Голос у ребенка был сиплый, придушенный, на Злотникова он смотрел с ненавистью.

Сейчас их сходство было очевидным, и у Августа заныла челюсть, так сильно он сжал зубы. Значит, у его врага есть сын. Пусть нелюбимый, но сын, продолжатель рода, недостой-

ного, запятнавшего себя кровью невинных рода. А что останется после него, Августа? Только его башни да вот эта спящая пока каменная химера. Несправедливо. Но в его власти исправить эту несправедливость.

– Забудь, – сказал Злотников с непонятым раздражением. – У тебя больше нет мамки. Настоящий мужчина не должен прятаться за бабьи юбки. Обещаю, я сделаю из тебя настоящего мужчину.

Сделает, непременно сделает по собственному образу и подобию. Сначала будет переделывать силой, но когда-нибудь гнилая кровь отзовется. Сова не родит сокола. Так говорила Евдокия, а Евдокия никогда не ошибалась, видела людей насквозь.

Из раздумий Августа выдернул крик. Мальчишка оказался настоящим волчонком, извернулся и цапнул Злотникова за руку, прокусил до крови. Злотников ударил, отвесил оплеуху, которая сшибла ребенка с ног, пустила из носа кровавую юшку. Избавившись от хватки потерявшейся няньки, парнишка тут же проворно вскочил на ноги, бросился вон из дома. Раиса вопросительно посмотрела на Злотникова.

– Далеко не убежит. – Тот махнул прокушенной рукой, и на пол упали алые капли.

Каменная химера заурчала, заворочалась, принимая первую кровавую жертву, просыпаясь. По каменной плите побежала едва различимая глазом паутина трещин – доказательство пробуждения этого темного дома. Но пробуждения никто, кроме Августа, не заметил. Слуги испуганно толпились вдоль стен. Капитан в растерянности переминался с ноги на ногу, на лице его читалось замешательство. Нянька стояла бездушным истуканом, дожидаясь распоряжения хозяина, а Эмма Витольдовна, успевшая спуститься обратно в холл, уже хлопотала над прокушенной рукой, стирала кровь батистовым платочком. На ввалившихся щеках ее полыхал девичий румянец.

– Оставьте! – Злотников отмахнулся от ее назойливой заботы. – У щенка еще не отросли зубы, чтобы он мог причинить настоящую боль. – В голосе его не было злости, скорее даже гордость за отпрыска. – Мастер Берг, – он обернулся к Августу, – готовы показать нам свое творение?

Каменная химера снова шевельнулась, покачнулись гобелены на стенах, и в движении этом Августу почудилось неудовольствие. Дом не желал, чтобы люди нарушали его покой.

– Я расскажу вам об архитектурных особенностях, если пожелаете.

Да, он расскажет обо всем, кроме потайных дверей, замурованных в стены ходов, подземелье, серебряном сердце и тайнике с зеркалами. Об этом не знает никто, кроме Августа и просыпающейся каменной химеры.

– Внутреннее устройство замка лучше других знаю я. – Пани Вершинской так хотелось привлечь внимание хозяина, что она отважилась вмешаться в мужской разговор. – Я вложила в этот дом душу.

Не вложила. У дома уже имелась своя собственная душа, она родилась той ночью, когда на маяке впервые зажегся свет. Он осветил и путь, и двери между мирами, сделал ткань бытия тонкой, полупрозрачной. Этот мир покинули светлые души, а вот что пришло взамен, никому не дано знать наверняка. А что-то ведь пришло, затаилось, задремало, до поры до времени притворяясь домом...

Осмотр начали с первого этажа. Гостиная, столовая, каминный зал. В камине спрятан тайный ход, может, и бесполезный, если камин будут часто использовать по назначению, но идея эта показалась Августу занимательной, и он снабдил каминное нутро поворотным механизмом, позволяющим переместиться из комнаты в стену замка всего за пару мгновений. В библиотеке дремали в дубовых шкафах книги. Было жаль, что они так и останутся лишь доказательством респектабельности и элементом убранства. Насколько помнил Август, ни Злотников, ни Мари чтением не увлекались. Волчонка книги точно не интересуют. В библиотеке

не было тайных ходов, но имелось спрятанное под потолком слуховое окошко. Быть может, пригодится.

Кухню, людскую и хозяйственные помещения обошли стороной. Ну и правильно, не было в них ничего интересного. А на стенах галереи второго этажа висели портреты каких-то вельможных особ. Вероятно, пани Вершинская решила, что так замок будет больше похож на родовое гнездо. С портретами чужих, незнакомых людей, пусть даже и вельможных. Впрочем, на самом почетном месте находился портрет узнаваемой личности. Злотников долго рассматривал своего живописного двойника и, кажется, остался доволен.

– Начало положено, Сергей Дмитриевич, – сказала пани Вершинская и присела в нелепом реверансе, а Август с ней мысленно согласился: да, начало положено, но начало не долгой и счастливой жизни в родовом гнезде, а чего-то куда более значимого. И каменная химера вздохнула, соглашаясь. Эхо этого вздоха разнеслось по галерее, качнуло тяжелые портьеры.

На втором этаже было неинтересно: комнаты, комнаты, комнаты... Августа заинтересовал лишь кабинет Злотникова. Он располагался рядом с каморой, в которой они с Федором устроили потайную дверь. Когда это было? Кажется, в прошлой жизни. Или просто в жизни, ведь сейчас Берг и не живет вовсе, а так... влачит существование.

А Злотникову все нравилось, и азартный огонь в глазах не гас. Мимо супружеской спальни он прошел равнодушно, а вот в кабинете задержался, уселся в удобное, на заказ сделанное кресло, погладил зеленое сукно стола, полюбовался открывающим из окна видом и, поймав наконец внемлющий взгляд пани Вершинской, сказал:

– Я очень доволен вашей работой, Эмма.

Он обратился к ней не официально, а по-свойски – лишь по имени. И от свойскости этой пани Вершинская зарделась, что маков цвет.

Пока осматривали второй этаж, восточную башню и хозяйственные постройки, в столовой накрыли на стол. Сервировка была тщательная: кузнецовский фарфор и до блеска начищенное серебро, которое запросто могло сойти за фамильное, заставляли забыть, что у хозяина всего этого великолепия нет ни роду, ни племени.

Обедали впятером: Злотников, Август, пани Вершинская, капитан, который отрекомендовался Тарасом Павловичем Пономаренко, и Мари. К обеду Мари спустилась уже в новом наряде, с тщательно уложенной прической и улыбкой на лице. Она уселась по правую руку от Злотникова, осмотрела стол критическим взглядом и одобрительно кивнула экономке.

– Велите подавать, Эмма Витольдовна, – сказала хрипловатым, выдающим тщательно скрываемое волнение голосом.

Ох, не была счастлива в браке Мари Злотникова, и несчастьем этим бабьим расплачивалась за свои грехи. Вот только Августу плата эта казалась ничтожной. За свои злодеяния Мари заслужила куда более строгое наказание. И наказание ее настигнет, дайте только срок.

Что подавали на том обеде, Август не запомнил. Чревоугодие с некоторых пор перестало быть одной из его слабостей. А вот кроваво-красное вино какого-то изысканного сорта, специально привезенное из Франции, он пил много, поддерживал реноме пьянчужки. Ведь никто не знает, что отныне даже хмельное забытье ему недоступно. Вот пусть и дальше остаются в неведении.

За столом большей частью говорил Злотников, делился впечатлениями от Европы и планами на будущее. А планы эти были грандиозны. В металлургическом деле Злотников преуспел, доставшиеся с приданым жены капиталы приумножил, но, по всей вероятности, подмять все под себя так и не сумел. А иначе отчего до сих пор живет с нелюбимой Мари, отчего не разведется? Ведь очевидно же, что супруге своей он изменяет, и даже до свадьбы, когда клялся в вечной любви и преданности, тоже изменял. Мальчонка – наилучшее тому доказательство. Непонятно одно, зачем Злотникову брать в дом бастарда, отчего не завел наследника в браке?

Не получилось? Мари не способна стать матерью? Скорее всего так. Искупление для нее уже началось, вот только поняла ли она, что это искупление?

После обеда Злотников пожелал осмотреть маяк и потребовал, чтобы отыскивали мальчонку.

– Хватит уже по темным углам отсиживаться, что крысенышу, пусть смотрит, запоминает.

После сытной еды он стал добрым, вальяжным, но и доброта, и вальяжность эти были показными. Август в этом не сомневался.

Мальчонка спрятался хорошо, искать пришлось долго, и с каждой потраченной на его поиски минутой Злотников мрачнел все сильнее. И куда подевалась его доброта?.. Беглеца нашли в конюшне, в стойле черного ретивого жеребца. Жеребец мотал головой, скалил крепкие зубы и к забившемуся в дальний угол ребенку никого не подпускал. Даже конюха. Но разве ж Злотникова когда-нибудь останавливала чужая ретивость? Он шагнул к жеребцу, крепкой рукой ухватил за гриву, потянул, заставляя подчиниться. И тот подчинился, признавая в человеке хозяина.

– Иди сюда! – На сына Злотников не смотрел, любовался жеребцом, ласково гладил по нервно подрагивающему крупу.

Мальчонка не послушался, лишь оскалился в ответ, ну точно звереныш. Где он жил все это время? Ясно ведь, что не с отцом. А Злотников больше тратить слова не стал, в мгновение ока он оказался перед волчонком, схватил за шкирки, дернул вверх, отрывая от земли. Поднял высоко, так, что синее от удущья лицо мальчонки оказалось прямо перед его лицом. Август подумал, что с таким отцом и враги не нужны. Пожалуй, Злотников своими руками под корень изведет собственный пока еще хилый род. И не понадобится ему вмешиваться, принимать пусть и очевидное, но все равно нелегкое решение. Убить ребенка не так и просто, пусть даже в жилах у него течет гнилая кровь. Может, и не придется.

– Когда я говорю, ты делаешь. – Голос Злотникова звучал ровно. – Ты меня слышишь? Если слышишь, кивни.

Не кивнул, вместо этого лягнул Злотникова ногой из последних своих угасающих сил и тут же снова отлетел в угол стойла. Там и затих, но сознание не потерял, смотрел на собравшихся с конюшне людей с лютой ненавистью.

– Хотел с собой взять. – Злотников потрепал снова разволновавшегося жеребца по холке. – Думал, маяк показать, а оно вот как получается. Вот что делает с ребенком отсутствие мужского воспитания. Ну ничего, перевоспитаем, вышибем дурь, если потребуется.

Как бы не вышиб дурь вместе с духом. Мальчонка-то совсем хилый. Впрочем, не Августа это дело.

– Забери. – Злотников обернулся к няньке. – Да запри где-нибудь до моего распоряжения.

Выполнять распоряжение Раиса не спешила, опасливо косилась на жеребца. Злотников все понял правильно, как и прежде, за шкирку, выволок брыкающегося мальчонку из стойла, велел пани Вершинской:

– Подберите комнату, чтобы запиралась на ключ. И не кормите. Не заслужил он обед.

Эмма Витольдовна молча кивнула, поманила няньку за собой.

– А сейчас мы с вами, Август Адамович, прогуляемся. – Злотников хлопнул в ладоши. – Вы же не возражаете против пешей прогулки? Покажете мне, как оно теперь на острове, расскажете, что случилось в мое отсутствие. А то рассказы до меня доходили престранные, – сказал и сжал руку Берга с такой силой, словно тот собирался сбежать.

Не собирался. Некуда ему бежать, да и незачем. Здесь, на Стражевом Камне, отныне его дом.

Шли медленно. Злотников подстраивался под суетливый шаг Августа, молчал, пока парадное крыльцо дома не скрылось из виду.

– Ну-с, рассказывайте, – велел, глядя на архитектора сверху вниз. И по взгляду этому было не понять, злится он или, наоборот, веселится.

Впрочем, Август ждал этого разговора и готовился, за обедом вон выпил целую бутылку вина, даром что вкуса не почувствовал, но ведь всем известно, что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. Или, как любил говаривать Злотников, пьяный старатель – болтливый старатель...

– Так о чем вы желаете узнать?

– Начните с Сиротина. Куда вдруг подевался мой управляющий? Что еще за темная история?

– А на этом острове все истории темные, вам ли не знать. – Август икнул и рукавом стер со лба пот.

– Дерзите, мастер Берг?

– И не думал даже, Сергей Демидович. Я уже не мальчик, чтобы дерзить. Да и не в том я нынче положении.

– Про положение это вы верно подметили. – Злотников усмехнулся. – Нынче вся ваша жалкая жизнь зависит исключительно от моего к вам расположения.

– Значит ли это, что правду вам говорить опасно?

– А это смотря какую правду. Куда подевался Сиротка?

– Пропал. – Август пожал плечами. – Может, сбежал, может, озерный змей его к себе прибрал, а может, зарыл его кто-нибудь на острове.

– Про змея вы мне байки не рассказывайте, я в них все равно не верю.

– А зря, Сергей Демидович, очень зря! Я же говорю, места здесь темные.

– Не темнее человеческой души, мастер Берг.

Фальшивая аллея закончилась круглой площадкой. Для чего и кто ее придумал, Август не знал и знать не желал. От площадки уходили две тропы, одна из них вела к маяку.

– Непорядок. – Злотников ступил на тропу. – Аллею надо продлить, чтобы соединяла маяк с замком. Что еще за глупость такая!

– Не моя глупость.

Август снова пожал плечами. Уж он-то дом с маяком соединил. Только не по земле, а под ней. Иногда ему хотелось спуститься в подземную пещеру, посмотреть, что стало с серебряным сердцем, не бьется ли. Теперь он не боялся ни подземелий, ни чудищ, в них обитающих. И сил, чтобы разбить замурованный вход, хватило бы. В пещеру с сердцем можно было зайти не из маяка, а по подземному переходу со стороны замка. Но что-то его останавливало. Нет, не трусость, а разумные опасения. Не стоит тревожить то, что с таким трудом, такой ценой удалось усмирить. Если понадобится, он сделает еще один подземный ход к башне. Есть у него такая возможность. И карта подземных дорог и подземных же пещер тоже имеется. У него нынче много удивительных вещей и удивительных знаний. Жаль, поделиться не с кем. Виктор скоро уедет, а Кайсы это неинтересно.

– Эй, – бесцеремонный шлепок по плечу вывел его из задумчивости, – кто его в землю закопал?

– Кого? – Как удобно, оказывается, быть пьянчужкой! Никто не воспринимает тебя всерьез. Даже твой заклятый враг.

– Сиротку. – Злотников улыбался, но улыбка его была настороженная. Все-таки что-то чувял.

– Был тут один татарин. – Тайбек бы его понял и простил. Никто лучше его не понимал Августа, его боль и его желание отомстить. Тайбек сам был таким же. – Говорили, что Сиротка со своими подручными убил его семью, жену и малолетних детей. – Сказал и замолчал.

А Злотников не удивился. Видно, многое знал о своем управляющем.

– Он и здесь лютовал. – А сейчас нужно сказать правду. Правда бывает полезнее лжи, прячет то, что нужно спрятать. – Я думаю, это он мою... Это он убил Евдокию. – Август замолчал. – Я почти уверен. Он ей угрожал.

– Так, может, это вы, мастер Берг, его в землю зарыли? – спросил Злотников, и в голосе его была насмешка.

– Зарыл бы. Если бы хватило духу. – Еще одна правда. Или полуправда? Сиротка, конечно, сволочь, но он исполнял приказы вот этого человека, который смотрит очень внимательно, кажется, даже с пониманием. – Но я всего лишь художник, а татарин тот хорошо с ножом управлялся. К слову, он тоже исчез почти сразу за Сироткой. Тут многие исчезли. Место такое...

– Я уже слышал про место. Достаточно! Если напугать меня думаете, так не трудитесь. Это мой остров. И править здесь будет не озерный змей, не мертвецы, здесь оставшиеся, а я!

– Змей уснул. – Август остановился, всматриваясь в серебряную полосу озерной воды. – Спокойно нынче на озере. Того, что еще совсем недавно творилось, больше нет.

– И с чего бы это он вдруг уснул? – Злотников тоже всматривался в даль, но смотрел не на воду, а на возвышающуюся над островом башню. Выражение лица у него было восторженное, как у мальчишки. Он думал сейчас не о приключившихся на Стражевом Камне смертях и бедах, а о своем великолепном будущем. Ну что ж, пусть...

– Отчего уснул? – переспросил Август. – Так не знает никто. Может, натешился, наигрался.

– Людскими жизнями? – На Августа Злотников глянул в жалостью, так, что сразу стало ясно – добровольно от такой власти не откажется ни один гад. Ни ползучий, ни тот, что о двух ногах. – Ответьте мне, мастер Берг, где Сироткины люди? – Злотников передернул плечами, словно стряхивая наваждение, пошагал к маяку.

– Кто где. Кто сбежал. Кто пропал. А кто и умом тронулся. Видели в конюшне рыжего бугая? Вот он повстречался с озерным змеем лицом к лицу, увидел, как тот его товарища под воду утащил, и все... тронулся умом.

– Мастер Берг, – Злотников обернулся, – поражаете вы меня своими рассказами. Ведь вы умный, образованный человек, а несете всякую чушь.

– Был. – Август улыбнулся. – И образованным, и умным, и неверующим, а теперь вот изменился. Страшно, знаете ли, стало жить.

– Оттого и пьете беспробудно?

– Пью. – Что ж отрицать очевидное? – Удивительный это остров, Сергей Демидович. Он одновременно и пугает, и притягивает.

А ведь Злотников его понял. Понял и согласился, хоть виду и не подал, а вслух сказал:

– Если хотите, чтобы я позволил вам остаться на острове, пить прекращайте.

– Так ведь я и раньше пил. Не мешало вам тогда мое пьянство.

– Пили. – Злотников кивнул. – Да вот только изменилось в вас что-то, мастер Берг, сломалось. А мне поломанные вещи ни к чему. Вы уж не обессудьте.

Вещи. Вот кто для него люди – всего лишь вещи. И если какая-то вещь сломается или перестанет приносить пользу, от нее избавятся, не задумываясь. Как избавились от Евдокии...

Кровь отхлынула от лица, а в сердце выкристаллизовалась холодная ярость. Злотников своим звериным чутьем снова что-то почувствовал, вот только понял неправильно.

– Не нужно так волноваться, мастер Берг, – сказал он с притворным участием. – А то вон аж испариной покрылись. Вас я ценю и таланты ваши очень уважаю. Даже дерзость вашу давнюю готов забыть, потому как кто не без греха? Так уж получилось, что я один у вас остался. Один-единственный. Вы только не разочаровывайте меня. Я страсть как не люблю разочаровываться.

– Как в Марии Саввишне? – спросил Август и чуть язык свой длинный не откусил.

Но Злотников не разозлился, лишь усмехнулся невесело:

– А вы людей видите насквозь.

– Было время, когда я верил, что вы ее любите.

– Верили? А я вот не верю в любовь. Нет ничего подобного, люди сами все придумали.

Людям нравится обманываться. Вот вы, мастер Берг, разве любили Евдокию? Вы в работу влюблены, в башни свои, а женщина... С ней удобно. Гении, знаете ли, тоже хотят и еды вкусной, и одежды чистой, и бабьей ласки, коль уж на то пошло. Вот по этому всему вы скорбите, а не по жене. Тут я даже честнее вас, не корчу из себя ничего этакого. Мари моя жена, и факт этот я признаю, но закрыть глаза на ее женскую несостоятельность я не могу.

Разговор у них получался задушевный. Раньше-то Злотников делиться семейными тайнами не спешил. Накипело? Устал жить с нелюбимой женой? А впрочем, он ведь не верит в любовь.

– Мне нужен наследник, а она не может родить. – Злотников сжал и снова разжал кулаки. – К такой малости оказалась неспособная. Другие-то бабы как кошки плодятся, а моя...

– Мальчик...

– Да вы и сами догадались, что он мой сын. Да, незаконный, да, ублюдок, но мой. Кровь от крови... С матерью его у меня и амуров особых не было, так... пару раз всего. А она, гляди, понесла. И мне не призналась, побоялась, что заставлю от ребенка избавиться. Я бы и заставил. У меня тогда как раз на Мари виды появились. Зачем мне байстрюк! – Он посмотрел на Августа, словно ища у него понимания, и тот кивнул. – Думал, сладится все с кутасовской дочкой и стану я кум королям. Нарождает она мне детей. Ничего, что собой страшна, моя кровь сильная, горячая. А тут вот как все вышло. Богом данная жена – пустоцвет, а случайная девка от одного раза забрюхатела. Я, когда узнал, не поверил, но пришел на ублюдка посмотреть.

– Он на вас похож.

– Похож. – Злотников кивнул. – Оттого и не придушил прямо в колыбели, пожалел.

Пожалел ли? Разве знакома этому зверю жалость? Анечку он в озеро на верную погибель швырнул прямо на глазах у матери и не дрогнул. А тут жалость...

– Небось, думаете, чего это я с вами разоткровенничался? А потому, что вы должны понимать, с кем имеете дело, и если подлость какую за моей спиной удумаете, чтобы эти мои слова вспомнили. Если я младенца не пожалел, думаете, вас пожалею? Да и не поверит вам никто, коли вздумаете болтать. Я нынче человек уважаемый, а вы всего лишь никчемный пьяница.

– Не поверит, – согласился Август, и Злотников усмехнулся, ободряюще похлопал его по плечу.

– Но мы с вами не допустим никаких недоразумений. Ведь так? Сказать по правде, привязался я к вам. Кругом одни лгуны и лизоблюды, а вы можете и правду-матку в глаза. Иногда бывает полезно знать, что о тебе думают. Так что убивать мне вас не с руки, живым мне от вас больше проку.

Дальше шли без остановок, до маяка добрались быстро. Не терпелось Злотникову увидеть башню вблизи. А Бергу было интересно, где сейчас албасты. В башне она появлялась незваной, всегда внезапно. Вот, кажется, темнота, а вот уже ткется из ее черных нитей тонкий девичий силуэт. Другим своим ликом албасты Августа больше не пугала. Может, поняла, что он не боится?

С замком Август возился долго. Отчего-то начали трястись руки, и ключ все никак не попадал в замочную скважину. Злотников держался позади, не торопил, но Август затылком чувствовал его взгляд. Наконец дверь поддалась, открылась беззвучно. Петли он смазывал регулярно, не мог выносить скрип. Внутри царил привычный полумрак, после яркого солнечного дня показавшийся крошечной тьмой. Август зажмурился, давая глазам возможность привыкнуть к темноте. Так и стоял, пока не услышал голос Злотникова:

– А у вас здесь кабинет. Хорошо устроились, мастер Берг, целый маяк в вашем единоличном распоряжении.

Не единоличном. Есть еще кошка и албасты, но на глаза чужаку они предпочитают не показываться.

– Только уж больно грязно. – Злотников обошел кабинет по кругу, задержался перед столом, заваленным чертежами и невытой посудой, не обделил своим вниманием и книжный шкаф. – Распоряжусь, чтобы прислали кого-нибудь прибраться.

– Не стоит. Сам приберусь. – Зачем ему чужие на маяке?

Злотников не ответил, вместо этого сказал:

– Хочу подняться наверх, посмотреть на остров с высоты птичьего полета. – Он обернулся, требовательно взглянул на Августа. – Устроите мне еще одну маленькую экскурсию, мастер Берг?

– Отчего же не устроить, Сергей Демидович?

На винтовую лестницу Злотников первым не сунулся, пропустил вперед Августа. Боялся удара в спину? Это зря, у Августа другие планы.

Их тяжелые шаги тут же подхватывало эхо, разносило по колодцу башни. Здешнее эхо было не таким, как в замке, более глухим, крадущимся, затухало быстро, едва успев родиться.

Наверх поднимались долго, делая передышки. Август кряхтел, постанывал, тер поясницу, изо всех сил старался быть похожим на немощного старика. Злотников верил, оттого и не торопил.

На смотровой площадке жил ветер – молодой, игривый и достаточно сильный, чтобы столкнуть зазевавшегося человека вниз. Или Августу так просто казалось? Свой страх перед подземельем он поборол, а вот с высотой дела обстояли иначе. Сильны были воспоминания, как он болтался между небом и землей, едва не свалившись с часовой башни.

А Злотников ничего не боялся, к краю шагнул смело, уперся ладонями в каменное ограждение, посмотрел вдаль, туда, где солнце золотило черные бока химеры, притворяющейся замком. Нравилось ему увиденное? Наверняка нравилось, но бдительность он не терял. Август знал, стоит только шелохнуться, и хозяин поместья почувствует, развернется.

А искушение было велико. Броситься, навалиться всем весом, обнять крепко, почти по-братски, и вдвоем сорваться вниз на черные камни. Небось, такого Злотников не ждет, не мыслит, что кому-то месть может быть дороже собственной жизни. Но... нельзя, слишком легкая смерть, когда ни понять ничего не успеешь, ни покаяться. По-другому нужно, неторопливо, как когда-то Тайбек.

– А это еще что? – в голосе Злотникова прорезалось раздражение, и Август уже знал, что он увидел.

– Это памятник моей жене. – Отсюда, с высоты птичьего полета, каменная Евдокия казалась совсем крошечной, как шахматная фигурка.

– Нет, – Злотников отошел от края, – так не годится, мастер Берг. Я не позволю превращать свой остров в кладбище с надгробиями.

Стражей Камень давно уже стал кладбищем, и Злотников тоже приложил к этому руку.

– Памятник – это не надгробие.

– К черту! Я позволил вам построить маяк, пошел на поводу у вашей странной прихоти. Этого достаточно. Даю вам три дня, мастер Берг. Если через три дня эта, – он раздраженно махнул рукой, – будет на прежнем месте, я прикажу своим людям сбросить ее в озеро. Вы меня поняли?

Сбросить в озеро... Его любимую Евдокию, пусть и каменную, но все равно немного живую. Может, стоит сбросить кого-то другого, очистить мир от падали?..

Не получится. Злотников не так прост, он уже не у края, он замер в проеме двери, ведущей на лестницу. А за Злотниковым замерла албасты, потянула силы из сумрака, воплотилась

в среброволосую улыбающуюся красавицу. Вот только улыбка ее была страшна, она обнажала белые десны и острые зубы, а длинная коса свивалась в петлю у Злотникова над головой.

– Только скажи... – беззвучно прошептали бескровные губы.

– Не сейчас.

– Что вы сказали? – спросил Злотников. – Три дня у вас на то, чтобы убрать этого каменного истукана с острова, – сказал и поежился, а потом стремительно обернулся. Не успел. Разве может смертный опередить не-живую албасты?

– Странно, – на его лице появилась растерянность. – Поклясться был готов, что за спиной моей кто-то стоит.

– Это все остров. – Август пожал плечами. – Темное место, мерещится тут всякое.

– Я не из тех, кому мерещится! – рывкнул Злотников и первым шагнул на лестницу, на сей раз не опасаясь того, что Август остался позади. Его безупречной белизны сорочка пропиталась потом, прилипла к спине. От жары или все-таки от страха?..

* * *

Жирная муха с громким жужжанием билась о стекло. Забыв о собственных горестях, Илька наблюдал за ее потугами. Он и сам чувствовал себя пойманной в ловушку мухой, таким же бессильным и беспомощным. Болела голова, и в ушах гудело после оплеухи, которую отвесил ему тот человек. Назвать его папкой у Ильки не поворачивался язык. Не было у него папки, никогда не было. Сколько он себя помнил, жили они вдвоем с мамкой. Как хорошо жили! Илька в счастье не больно-то и разбирался, но считал себя счастливым человеком.

Каждый день мамка будила его на заре, поила парным молоком, давала узелок с хлебом и печеной картошкой, а иногда и с салом, и отправляла на луг, помогать пастуху деду Назару. Дед Назар был ворчливый, но не злой, он не выпускал из зубов самокрутку, ходил, прихрамывая, опираясь на посох, а страшного вида кнут носил, перебросив через плечо. С кнутом он управлялся ловко, одним махом мог снести головку ромашке, не потревожив больше ни единой былинки. А коров не бил никогда, только щелкал кнутом грозно да ругался нехорошими словами. Однажды Илька тоже попробовал ругнуться, но тут же получил подзатыльник, не сильный, но обидный. Вот только обижаться Илька долго не умел. Вскоре дед Назар из молодой осины вырезал ему свистульку, и Илья сразу все обиды забыл. А когда дед Назар учил его управляться с кнутом, так и вовсе чувствовал себя самым счастливым пацаном в деревне, потому что свой кнут дед Назар не давал никому, кроме Ильки, значит, считал его взрослым. Уважал, значит. И рассказчиком он был отменным, знал много историй, но Ильке больше всего нравилось про войну. Дед Назар воевал с турками, участвовал в штурме города со странным, чуждым Илькиному слуху названием – Плевна. Там его и ранили в ногу, оттуда и хромота. Но про штурм и турок дед Назар вспоминать не особо любил, а когда все-таки брался рассказывать, то морщился, точно от боли, говорил, что от этих рассказов начинает ворочаться осколок в его ноге. Осколок ворочался на перемену погоды и в холода, и тогда дед Назар становился особенно хмурым и неразговорчивым, натирал раненую ногу какой-то вонючей мазью, курил папиросу за папиросой. В такие дни Илька к нему не совался, ни к чему ему лишние оплеухи, дожидаясь в сторонке, за коровами приглядывал исправно, носился за стадом наперегонки с Волчком.

Волчок был для Ильки вторым после деда Назара лучшим другом. Большой, косматый, серой волчьей масти, он только с виду казался страшным, а на самом деле был очень добрым. К его горячему боку Илька прижимался, когда погода выдавалась ненастной и ветреной, грелся. А в благодарность и просто по дружбе делился с Волчком хлебом.

Вот такая у Ильки была замечательная жизнь, пока однажды все не изменилось. В тот день они с Волчком и дедом Назаром, как обычно, были в поле. Разомлевшие от жары, изму-

ченные гнусом коровы забрели в реку и замерли в воде, а они, все трое, упали в высокую траву. Пришло время отдыха и обеда. Но поесть Илька так и не успел.

Первым чужаков почуял Волчок, вскинулся, наострил уши. Дед Назар сел, приложил заскорузлую ладонь к глазам, всматриваясь в даль. Илька тоже посмотрел, но прошло время, прежде чем он разглядел на горизонте три быстро увеличивающиеся точки. Это были всадники. На резвых, очень красивых жеребцах они неслись галопом, и Илька залюбовался. Лошадей он любил куда сильнее, чем коров, но покататься верхом ему все никак не доводилось – только на телеге. А телега – это совсем не интересно!

Всадники были чужаками. Недобрыми чужаками. Илька почувствовал это шкурой, по которой вдруг побежали мурашки. А дед Назар уже не просто сел, а встал на ноги и кнут с плеча сдернул. Чужаки спешили. Были они мордатые, богато одетые и смотрели на втянувшего голову в плечи Ильку.

– Он? – спросил один из них и ткнул в сторону Ильки рукоятью плетки.

– Кажись, похож. – Второй стоял, сунув большие пальцы рук за кожаный ремень. Вид у него был как у настоящего бандюка.

– Берем.

Дед Назар оказался рядом с Илькой раньше чужака.

– Беги, малец, – сказал хрипло и перехватил поудобнее кнут.

И Илька побежал.

Он бежал изо всех сил, не разбирая дороги, стараясь не вслушиваться в свист кнута, громкие крики и отчаянный лай Волчка. Он мог бы бежать так очень долго, но не успел. Сначала его настигла черная тень, а потом верховой. Крепкая рука на скаку ухватила Ильку за шкуру, перебросила через седло.

– Не ерпенься, – услышался над ухом сиплый голос, а потом и залихватский свист.

Жеребец сорвался в галоп. Сбылась давняя Илькина мечта, вот только счастья она ему не принесла.

Скакали долго. Ильке показалось, что целый день. В голове ухала кровь, а ребра болели так, что было больно дышать, и, когда его наконец спустили на землю, на ногах он устоять не сумел, упал в серую дорожную пыль, сжался в комок, ожидая, что станут бить.

– Привез, – сказал его похититель.

– Долго вы что-то. Остальные где? – этот голос был ему незнаком.

– Прытким оказался чертенок, насилу угнался. А остальные остались разбираться с его защитничком. Нашелся защитничек. Какой-то колченогий старик отходил кнутом Степку и Демьяна до крови. Они остались научить его уважению.

– И как, научили? Что-то не вижу я рядом с тобой ни Степку, ни Демьяна.

Прямо перед Илькиным носом остановились сапоги – красивые, блестящие, а потом кто-то снова дернул его за шиворот, рывком поставил на ноги.

Дядька тоже оказался красивый, как его блестящие сапоги, но ни добра, ни жалости в нем не было. Это Илька понял сразу, как понял он и то, что попал в беду, что не отпустят его эти страшные люди ни к деду Назару, ни к мамке. Не понимал он только одного, за что же с ним приключилось такое несчастье. А дядька крепко сжал его подбородок, потянул вверх, изучая, разглядывая перепачканное в дорожной пыли Илькино лицо.

– Не соврала, – сказал и наконец отпустил Ильку, а пальцы вытер о штанину. – Моя кровь.

– Ваша, Сергей Демидович, тут и к бабке не ходи. Похож малец, – поддакнул Илькин обидчик, который, по всему виду, дядьку боялся. А дядька все разглядывал Ильку, теперь уже со стороны, а потом спросил:

– Как звать?

Была мыслишка не признаться, назваться чужим именем, но мамка учила говорить правду, а за вранье так и вовсе порола.

– Илья. – Он старался, чтобы голос не дрожал, но получилось плохо, дядька почуял его страх.

– Что еще за имя такое песье – Илья? Зваться будешь полным именем. Отныне ты Илья, Илья Сергеевич. А я Сергей Демидович. – Дядька снова подошел почти вплотную. – Понимаешь, что это значит?

Ничего он не понимал. Боялся до дрожи в коленках, но все равно не понимал.

– Деревенщина, – сказал дядька беззлобно. – Это значит, что я твой отец. Уяснил?

Папка? Сколько раз Илья мечтал, что в его жизни появится папка. Вот однажды постучится в дверь, скажет – здравствуй, сынок, вот я и пришел.

Пришел. Только не хотел Илья такого папку. Не хотел!

– Ладно, некогда мне тут с тобой... – Дядька, который просто не мог быть его отцом, смотрел не на Илью, а мимо него. – Поехали!

И они поехали, поскакали сначала лугом, а потом дорогой. Илья до последнего надеялся, что все уладится, что его если не вернут обратно мамке, то уж точно бросят посреди дороги. Кому он нужен? Человеку, который назвался его отцом, до Ильки так и вовсе дела нет. Точно бросят, а потом он уж как-нибудь до деревни доберется, может, и целый день придется идти, так он сильный, даром что малой еще совсем.

Не оправдались надежды. Скакали долго, замученный и испуганный Илья успел даже придремать в седле, а когда открыл глаза, лошади уже шли неспешной рысью, и не по дороге, а по городу. В городе Ильке раньше бывать не доводилось, и, позабыв о страхе, он, как зачарованный, вертел головой по сторонам, разглядывая непривычно большие, кое-где даже двухэтажные дома, лавки с яркими вывесками и людей, похожих на селян, но все же неуловимо других.

Остановились у нарядного дома, такого большого, что у Ильки аж дух захватило. Что было написано на вывеске, он прочитать не успел, читал он еще не слишком хорошо и буквы путал. Его снова ссадили на землю, и мальчик едва не упал. Может, и упал бы, если бы назвавшийся его отцом не подхватил его уже привычно – за шкуру. От долгой езды ноги онемели, а в голове шумело. Хотелось есть и еще больше пить. А тем временем высокая дверь распахнулась, выпуская на улицу толстого дяденьку в засаленном переднике. Еще не успев выйти, дяденька уже начал кланяться.

– А мы вас уже ждали, Сергей Демидович! Мария Саввична отдыхать изволили, мигрень у них приключилась, а я вот на кухне-с... – Он все кланялся и кланялся, что с его огромным животом было очень тяжело, а сам украдкой косился на Илью. – Нумера уже готовы, все как вы и велели. Распорядиться, чтобы ужин подавали?

– Распорядись, и Марии Саввичне доложи, что мы вернулись, скажи, что я хочу ее видеть.

– Так ведь мигрень, Сергей Демидович... – Толстяк вдруг испуганно затрясся, и Ильке подумалось, что мигрень – это что-то ужасное, чего непременно следует бояться.

Но назвавшийся его отцом не испугался, а, наоборот – разозлился.

– Я сказал, пусть спустится! Твое дело маленькое, передай да ступай на кухню. И за лошадьми пусть присмотрят, овес чтобы отменный был, а не как прошлый раз.

Дяденька закивал и начал пятиться, а из дверей дома уже выскочили два пацана, немногим старше самого Ильки, схватили лошадей под уздцы, куда-то увели.

– Ну, пойдем, Илья. – Назвавшийся его отцом крепко сжал Илькину руку, повел, почти силой поволок в дом.

Внутри было богато. Красоты такой Илья отродясь не видел и испугался, что может ненароком здесь что-нибудь испортить или сломать. Оттого и замер на пороге, не решаясь войти в комнату. Его подтолкнули к стулу с диковинными резными ножками, велели:

– Садись. Ждать будем.

Он послушно сел, сцепил пальцы в замок, чтобы не сильно было заметно, что они дрожат.

Ждать пришлось недолго, а иначе Илька бы не выдержал, совсем раскис. В комнату стремительным шагом вошла высокая, худая женщина. Она была нарядная, словно бы сошедшая с одной из тех открыток, что собирала мамка, но очень уж некрасивая. Ладно бы просто некрасивая. Как говорила мамкина подруга тетя Лида, с лица воду не пить, лишь бы человек был хороший. Илька не понимал, зачем пить с лица воду, но одно понял сразу и безоговорочно: вошедшая женщина не была и не будет доброй. Она ненавидит весь мир, а его, Ильку, отчего-то особенно.

– Я же просила тебя, Сергей! – На Ильку она посмотрела так, что от дурного предчувствия у него засвербело в носу. – Я умоляла тебя, а ты привел в дом этого... выродка.

Слово было незнакомое, но такое же некрасивое, как мигрень. Илька поежился.

– Мари, не начинай, прошу тебя. – В отличие от Ильки, назвавшийся его отцом женщины нисколько не боялся. – Все уже давно говорено-обговорено. Если по-другому у нас не выходит, значит, будет так, как я решил. Он останется.

– Ты мне шанса не дал, чтобы было по-другому! – Женщина схватилась за голову и поморщилась так, словно съела что-то кислое. – Ты без меня все решил, Сергей!

– Хватит. – Назвавшийся его отцом говорил тихо, спокойно, но в спокойствии этом Ильке чудилась угроза.

Женщина ее тоже почуяла, посмотрела с мольбой.

– Неужели ты не понимаешь, как мне тяжело? Не понимаешь, что я чувствую, когда вижу вот этого?.. – Острым подбородком она указала на Ильку. – Я же только об одном могу думать, о том, что ты с ней был, что не я его мать.

– Теперь ты, Мари, его мать. Мне нужен наследник, и уж коль ты долг свой бабий выполнить не в силах, а свободы мне дать не желаешь, будет так, как я решил. Это мой сын, кровь моя.

– Выродок... – Женщина уже не говорила, а шипела по-змеиному. – Грязный ублюдок, которого ты собираешься привести в мой дом...

– Не твой – мой! Ничего на Стражевом Камне твоего нет, все мое. И ты либо слушайся меня, либо уходи. Держать не стану.

Они ругались, эти два взрослых незнакомых Ильке человека, а он из всего сказанного понял только одно, что некрасивая женщина со злым лицом отныне будет его мамкой.

– Мне не нужна она! – Страх придал ему сил, сделал отчаянно смелым. – У меня есть мамка! Она добрая и красивая! Она меня любит...

– Молчать... – от оплеухи, не сильной, но обидной, на глаза навернулись злые слезы. – Рта чтобы не раскрывал, пока я не велю. Воли тебе тут никто не давал, запомни.

Назвавшийся его отцом смотрел на Ильку спокойно, даже с интересом. Наверное, ждал, что Илька сейчас разревется, как маленький. Не дождется! Илька вместо этого лучше сбежит. Обязательно, как только представится подходящий случай.

– Ишь, – человек усмехнулся, – не завыл. Это хорошо, значит, есть надежда, что не окончательно испортила тебя бабья ласка. В моем доме все иначе будет, за послушание буду наказывать, драть как сидорову козу. Мне наследник нужен, а не размазня. Не было в роду Злотниковых неженков и слюнтяев.

– Он на тебя не похож, – сказала женщина едва слышно и сжала виски.

– Он на меня похож, Мари. В этом можешь не сомневаться. Где нянька?

– Не знаю. – Женщина по имени Мари пожала плечами. – У меня мигрень, Сергей. Голова раскалывается, а тут еще этот... – На Ильку она больше не смотрела, словно его и не было.

Пусть бы так и было, не нужна ему ни эта Мари, ни ее мигрень!

– Я здесь, Сергей Демидович! – От громкого баса Илька испуганно вздрогнул, всем телом развернулся к двери, готовясь увидеть крепкого детину, а увидел рослую тетку в сером платье с белым кружевным воротничком. На Ильку тетка тоже не смотрела, не сводила глаз с чужака,

назвавшегося Илькиным отцом. Никогда он не назовет этого человека отцом! Чужак чужаком и останется.

– Вот, Раиса Семеновна, твой подопечный. О разговоре нашем ты, надеюсь, помнишь. Поблажек ему никаких не делай, а если станет взбрыкивать, сразу же говори мне. Может, еще и не поздно... – Чужак задумчиво пригладил бородку. – Сейчас отведи его на кухню, пусть накормят, и вели баню истопить. Чумазый он, что чертенок. Одежду новую я ему купил, только, видно, с размером прогадал – хляк у меня сынок. Ну, ничего, доберемся до места, а там уж я за него возьмусь.

Вот так и началась новая страшная Илькина жизнь: с тарелки щедро приправленной маслом каши, с горячей бани, колючей, страшно неудобной одежды и с чувства, что он никому не нужен. Тетка, которую чужак называл Раисой Семеновной, оказалась такой же злой, что и та другая, некрасивая. Ильку она невзлюбила с первого взгляда и, когда никто не видел, то отшивала ему подзатыльники, то щипала пребольно, а сама приговаривала, что бастарду суровость только на пользу. Бастард – еще одно новое словно, не страшное, но обидное. Илька как-то сразу это понял. Как понял он и то, что в нынешней его жизни не будет больше ничегошеньки хорошего, потому что он больше не Илька Свиридов – мамкин любимый сыночка, а Илья Злотников – единственный сын очень богатого и очень уважаемого человека Сергея Демидовича Злотникова. Фактом этим Ильке надлежало гордиться, так сказала нянька и больно ткнула его промеж лопаток, наверное, чтобы лучше запомнил.

Дорога до острова со странным названием Стражевой Камень показалась Ильке сущим мучением. И сбежать не было никакой возможности, Раиса приглядывала за ним строго, даже по нужде одного не отпускала. Повеселел Илька, только когда увидел корабль, белый, красивый, точно нарисованный – настоящий! Никогда раньше ему не доводилось плавать на кораблях, и приключение это казалось ему куда удивительнее, чем скачка на лошадях. А капитан, высокий, бородатый, с трубкой в зубах, даже подмигнул ему по-свойски и пообещал пустить к большому колесу, который назвал штурвалом. Это слово было красивое, от него пахло приключениями и пиратами. Про пиратов Ильке как-то рассказывал дед Назар, очень давно.

К штурвалу его не пустили... Ему вообще не позволили остаться на палубе. Раиса силой стащила его вниз в какую-то камору, из которой ничегошеньки не было видно, а сама вернулась наверх. Это было так обидно, что Илька спрятался, да так хорошо, что Раиса его потом очень долго искала, а когда нашла, больно дернула за вихры, кажется, даже клочок вырвала.

– Ах ты ж выродок, – сказала ласково, но Илька уже знал цену этой ласке. Раиса непременно придумает ему какое-нибудь наказание.

Наказание придумал ему тот, кто назвался его отцом. Вся жизнь Илькина отныне должна была стать сплошным наказанием. Остров, на который его привезли, был престранный, он возвышался над озером каменной, поросшей лесом громадиной, выглядел неприветливо. Но куда более странным казался дом, на острове построенный. Домов таких Илька отродясь не видел, даже на мамкиных открытках. Черный, грозный, он смотрел на Ильку сквозь узкие высокие окна, щетинился каменными шипами, злился. А на башне, нависающей над самой водой, сидели крылатые чудища. С перепугу Ильке сначала показалось, что они живые, что сорвутся сейчас со стен башни и разорвут людей на мелкие клочки.

А люди не боялись, словно бы и не замечали крылатых чудищ, и только Раиса посмотрела вверх с отвращением и сплюнула себе под ноги, потом дернула Ильку за руку, сказала:

– Нечего на этих тварей пялиться! В дом пошли!

В дом Ильке не хотелось, но желанием его никто не интересовался, пришлось идти. Оказавшись внутри, он растерялся и испугался еще сильнее – таким огромным был дом. Куда больше храма, в который каждое воскресенье водила его мамка, куда наряднее. Но рассмотреть все внимательно ему не позволили, назвавшийся отцом впервые за все время пути обратил на Ильку внимание. И внимание это закончилось для Ильки плохо: вот этой запертой на ключ

комнатой, из окна которой видны притаившиеся на стене башни крылатые чудища. Может, они там специально, чтобы его сторожить, чтобы не надумал куда-нибудь удрать? А куда ему бежать, когда кругом вода, а плавать он не умеет? Дед Назар все обещал, но так и не научил. От воспоминаний о деде Назаре на глаза навернулись слезы, и, чтобы не разреветься, Илька закусил губу. Ничего, он как-нибудь... Все равно сбежит, никто его на этом проклятом острове не удержит, даже крылатые чудища.

Муха в последний раз с невиданной силой ударилась в стекло и упала замертво, а каменный подоконник, на котором сидел Илька, вздрогнул вместе со стенами дома. Дом никого не собирался отпускать: ни муху, ни Ильку...

* * *

Август пил, сидя у каменных ног каменной Евдокии, обхватив узкие щиколотки одной рукой, а бутылку с самогоном другой. Кошка сидела рядом, но на колени не лезла, понимала – не в том Август сейчас настроении, не дожидаться от него ни ласки, ни молока.

– Ну, что ты там стоишь? – Появление албасты он почувствовал по холоду, по тому, как зашевелились редкие волосы на макушке. – Сюда иди, гостьей будешь.

– Почему не дал мне его убить? – Албасты присела напротив, расправив складки на белом платье. Кончик косы ее тут же потянулся к кошке, погладил по рябой спине, и кошка довольно заурчала.

– Потому что еще не время. – Август поставил на землю бесполезный самогон, прислушался к скрытому где-то в недрах острова едва различимому рокоту, спросил: – Ты слышишь?

Албасты молча кивнула. Кошка интересовалась куда больше Августа.

– Это... его сердце? Оживает?

– Нет, – албасты покачала головой, – это его душа.

– Змея?

– Острова. Сам сказал, что место тут темное.

– Раньше было светлым. Когда Айви с Акимом Петровичем тут жили, по-другому все было. Даже при змее.

– Раньше ворота между мирами не открывались. Одно зло, привычное. С ним и остров, и озеро, и город свыклись.

– А теперь?

– А теперь зло новое.

– Ты?

– Я. – Албасты усмехнулась, обнажая острые зубы. – Не только я. Поменялось все, ты вот чувствуешь, а люди пока еще нет.

– Дом живой. – Август стер пыль с каменных Дуниных башмачков. – Я его построил, а теперь он живой. Но не мое он детище. Башня вот моя, а он – не мой. Понимаешь?

– Понимаю. У него душа.

– У дома?

– Темная, голодная, злая.

– Почему?

– Потому что родилась темной ночью от не-любви двух миров. Когда дите от не-любви рождается, оно темное и злое.

– Как звереныш.

Вспомнился вдруг сын Злотникова. Тоже ведь родился от не-любви, и во что вырастет, уже сейчас понятно. Если Август позволит вырасти. А он не позволит. Нужно лишь решить, как правильно поступить, когда начать мучить своего кровного врага. Станет ли смерть единственного ребенка для Злотникова мучением? Нет. А смерть единственного наследника? Видно, что

к зверенышу он пока еще не привязался, но ведь забрал же зачем-то у родной матери, держит при себе, вопреки желанию Мари. Значит, рассчитывает на что-то, значит, надеется. Вот и Август будет надеяться, что когда-нибудь смерть звереныша станет для Злотникова ударом.

– Звереныш. – Албасты снова улыбнулась, на сей раз Августу показалось, что мечтательно. – Его тоже ненавидишь?

Пока нет, но заставит себя ненавидеть, вырастит в душе, взлелеет лютую ненависть. Для этого и нужна-то сущая малость: каждый день надо напоминать себе, что отец звереныша повинен в смерти Евдокии. А сова не родит сокола, это всем известно.

– Его отец дочку Айви не пожалел, когда в озеро швырнул. Отчего же мне жалеть?

– Хочешь, я его навещу?

– Звереныша?

– Любопытно мне посмотреть. – Кошка перебралась к албасты на колени, блаженно зажмурилась.

– Не убивай только. И сильно не пугай.

– Я ему даже показываться не стану, только одной волосинкой дотронусь.

– И что будет? – Август и сам понимал, что будет, но все равно хотел услышать ответ.

– Страшно ему будет. Очень страшно. Хочешь, чтобы зверенышу было страшно?

– Хочу, – ответил Август без колебаний. Почти без колебаний. А потом, уже обеими руками, обнял каменную Евдокию за ноги. – Он велел ее убрать... Сказал, если я не уберу, он прикажет ее в озеро столкнуть. – А куда я без нее? На кладбище я не хожу. Нет там ее, моей Дуни. Я хочу, чтобы она рядом была, чтобы поговорить можно было.

– В пещеру. – Кончик белой косы тоже коснулся башмачка каменной Евдокии, осторожно, словно албасты боялась обжечься. А может, так оно и было? – Светлая она у тебя, сильная. – Коса убралась, соскользнула белой змеей с башмачка и с каменного постамента. – Тяжело мне рядом с ней.

– Больно?

– Боли я не чувствую. Просто тяжело. Но помочь тебе могу. По дружбе. – Кончик косы завис прямо перед щекой Августа, повеяло холодом, но он не уклонился, не отодвинулся. Кто ж от друга отказывается?! Пусть этот друг и нежить. – Перенесу ее в пещеру с подземным озером. Отсюда недалеко, место укромное. Никто не найдет, а ты сможешь туда спускаться. Там светло, ей понравится. – Что-то такое послышалось в голосе албасты, что-то, от чего коса ее дрогнула, едва не распоров Августу кожу.

– Понравится? – спросил он, едва сдерживаясь, чтобы за косу не ухватиться. – Откуда тебе знать?

– Не откуда. – Албасты пожала плечами, и коса ее убралась, так до Августа и не дотронувшись. – Или ты думаешь, что на дне ей будет лучше?

– Я тебе помогу. – Он решился, поднялся на ноги.

– Не надо. – Албасты бережно поставила кошку на землю. – Я сама все сделаю. Иди в башню. И не бойся, – она обернулась, – я твою мертвую жену не обижу. Даже если бы хотела, не смогла бы.

Август ей поверил. И послушался. Встал напротив каменной Евдокии, посмотрел в глаза, прощаясь, а потом, не оборачиваясь, направился к маяку. Всю ночь он пил, силой заставлял себя не подходить к окну, не вглядываться в густую темноту, не искать знакомый силуэт. Албасты обещала...

Албасты обещала и обещание свое сдержала. На рассвете, когда измученный бессонной ночью, совершенно трезвый Август вышел из башни, каменная Евдокия исчезла.

Дорогу до тайной пещеры он знал, даже с картой сверяться не пришлось. Шел, а ноги дрожали, словно шел он на свидание. А может, так оно и было? Он шел на свидание к своей мертвой жене. В пещере было светло, светилась вода в круглом подземном озере. Евдокия

стояла на берегу, разглядывала свое отражение в воде. Как такое получилось, он не понимал, ведь точно знал, что на берегу Евдокия смотрела не вниз, а вдаль. Он сам ее такой сделал...

– Я же говорю, сильная. – Албасты вышла из озера, поднялась по прозрачным, из воды вырастающим ступеням, отжала длинную косу. – Намучилась я.

Она и вправду казалась усталой, настолько, насколько может казаться усталой нежить. На идеальном лице ее то и дело проскальзывали уродливые старушечьи черты, словно бы лицо это шло рябью.

– Спасибо. – Что еще он мог сказать? Берг даже не знал, нужна ли албасты его благодарности.

– Не благодари. – Коса расплелась, и по белым волосам теперь скользил костяной гребень. – Не ради тебя я это делаю и не ради нее. – Она кивнула в сторону каменной Евдокии, которая, казалось, прислушивалась к их разговору. – Мне нужно отвлечься.

– От чего?

– От мыслей о девочке. А не думать о ней тяжело. – Волосы не желали разбираться на пряди, сбивались в колтун. – Приходится искать себе забаву. Ты мне побольше давай забав, глядишь, людишки целее будут.

– Не надо никого убивать, – сказал Август и сам почувствовал, как нелепо и беспомощно звучат его слова.

– Никого? – Соболиная бровь насмешливо приподнялась, а гребень зло дернул волосы, вырывая клоч, который тут же, прямо на костяных зубьях, превратился в туман, сполз в озеро.

– Пока я не скажу. – Отчего он, беспомощный человечек, решил, что албасты станет его слушаться? Но она послушалась.

– Мне плоть не нужна, – сказала, усмехнувшись. – Мне страх нужен, страхов вокруг острова много, а будет еще больше. Чую запах крови. И с каждым днем он все сильнее.

– Что это значит?

Албасты ничего не ответила, ступила на озерную гладь и с головой ушла под воду, словно ее и не было. На круги на воде Август смотрел с растерянностью, а каменная Евдокия, кажется, с осуждением.

* * *

Девушка появилась на острове на следующий день. Приплыла на лодке с каким-то паренком из местных. Август как раз сидел на берегу, смотрел, как рассветное солнце золотит черные стены маяка. Эти утренние часы нравились ему особенно, они отгоняли призраков ночи, вселяли в Августа если не веру в новый день, то хотя бы силу этот день прожить. Гостей он не ждал, гости нынче приплывали на остров с другой стороны, высаживались на дощатой пристани возле дома-химеры, маяк обходили стороной. А девушка вот не обошла.

Она выбралась из лодки, что-то тихо сказала парнишке, и тот, кивнув, остался ждать, сам на берег не сошел. На Августа он почти не смотрел, разглядывал маячную башню, щурясь от неяркого еще солнца. А девушка смотрела на Августа, и ему вдруг подумалось, что приплыла она именно к нему. Хотя быть такого не могло. Тем, кому до него еще было дело, на острове он показываться запретил строго-настрого. Хорошо хоть слушались, не перечили. От Виктора с Настей два раза в неделю появлялся мужичок, привозил еду и чистую одежду, забирал старую, грязную, интересовался, не нужно ли Августу еще что-нибудь, и, получив отрицательный ответ, уплывал обратно. Может, девушка сменила того мужичка?

Август сощурился, всматриваясь. Щурился он теперь больше по привычке, чем по необходимости, зрение стало многим лучше, чем раньше, сказывалось серебро. Смотреть особо было не на что. Тщедушная фигурка, черная блуза, черная юбка, черная же шляпка с вуалеткой. Из-за шляпки не было возможности разглядеть лицо, но отчего-то подумалось, что девушка

невзрачная и неинтересная. Август отвернулся. Какое ему дело до незнакомых девиц? А вот девице до Августа дело было, потому что направилась она именно к нему, остановилась в сторонке, словно боясь отвлечь от созерцания уже теряющих рассветную позолоту стен. Стояла, не мешала, но и уходить не спешила.

– Вам чего? – спросил Август не слишком приветливо. – Если приплыли устраиваться на работу в замок, так не с той стороны острова причалили.

– Август Адамович? – Голос у девицы оказался весьма приятного тембра, а то, что она знала его имя, заставило не то чтобы удивиться, но слегка заинтересоваться.

– Он самый. С кем имею честь?

Сейчас, когда девица была совсем близко, он мог разглядеть ее более внимательно. Не красавица, но и не дурнушка, остроносая, скуластая, ширококоротая, с глазами какого-то невнятного серо-зеленого цвета, с ямочкой на подбородке, с каштановыми волосами, стянутыми в строгий пучок. Одежда недорогая, но аккуратная, скроенная по городской моде. Шляпка с вуалеткой опять же... Что занесло такую птичку на его остров?

– Я Соня... – Девица смутилась, сжала кулачки и продолжила: – Софья Ивановна Леднева.

Последовала пауза, которая, наверное, казалась девице неловкой, а Август всего лишь вспоминал, откуда ему знакома эта фамилия. И вспомнил, а девица по глазам поняла, что вспомнил, затараторила быстро, словно боялась, что он ее остановит, не позволит договорить:

– Я жена... – из узкого рукава появился и тут же исчез в кулаке белоснежный платочек. – Жена Федора Леднева, племянника Евдокии Тихоновны.

– Племянника?.. – Он знал только одного племянника. Этого племянника Дуня считала родным, болела за него всей душой, сердце из-за него рвала. Настоящий ли, названный ли – это не имело никакого значения ни для нее, ни для Августа. Оказывается, есть настоящий племянник? Должен был быть, Дуня что-то такое рассказывала. Единственный сын ее деверя, помнится. Жил в Перми, с Евдокией виделся в последний раз в младенчестве.

– Федя умер. – Платочек к глазам она так и не поднесла, только сжала покрепче. А глаза невнятного серо-зеленого цвета остались совершенно сухими, разве что тени под ними залегли. Или это тени от ресниц? Ресницы у барышни длинные. – Полгода уже как...

Федя умер. Ушел по доброй воле вслед за Айви. Он ушел, а вот Август остался, не взяла его с собой Евдокия. Или не про того Федора сказ? Ясно же, что не про того, а вот думать по-другому не выходит.

– Что – полгода? – Наверное, следовало встать, выказать соболезнование, но лицемерить Август не стал. Не знал он и чужого Федора, ни эту вот его жену.

– Полгода, как Феде нет, – голос девицы дрогнул, но плакать она и сейчас не собиралась. Или отплакала уже, или не особо-то печалилась из-за мужниной кончины. – Вы меня простите, Август Адамович, я, наверное, зря приехала...

Зря, очень даже зря. Какое ему дело до ее бед?

– Я сирота. – На Августа она не смотрела, а смотрела на свои сжатые в кулаки руки, говорила тихо, словно заставляла себя говорить. – Никого, кроме Феде, у меня не было. И у него никого, кроме меня... Его родители умерли. Вы, должно быть, знаете.

Ничего он не знает. Когда жил счастливо с любимой женой, дела ему не было до чужих родственников, а сейчас, в несчастье, и подавно. И врать девице Софье Ледневой он не станет.

– Не знаю. – Август пожал плечами и за незнание свое извиняться не стал. В конце концов, это она к нему явилась непрошеной гостьей, а не он к ней.

А она вздохнула, посмотрела не с осуждением, а с непонятным каким-то выражением, будто это ей было неловко от его незнания.

– Я понимаю, – сказала и замолчала, не решаясь продолжить этот странный, неудобный для обоих разговор. – И если вы решите...

– А я вот пока не понимаю. – Август отмахнулся от ее неловкости, посмотрел пристально. – Вы зачем явились?

Получилось грубо. Но лучше уж сразу грубо, чем ненужные надежды. Евдокии нет, племянника ее нет, остальные родственники умерли. Осталась одна эта девица, которая даже Евдокии не родственница, не говоря уже о нем.

– Зачем?.. – Она посмотрела на него растерянно, будто и сама не понимала, что делает на этом острове.

– Да, зачем? – повторил свой вопрос Август. – Раз явились, значит, вам что-то от меня нужно.

– От вас? – А сейчас девица казалась удивленной. – Я явилась не к вам, а к Евдокии Тихоновне.

– Евдокия Тихоновна умерла, – сказал, и в сердце привычно уже заворочалась острая игла боли. – Вы должны были это знать.

– Узнала. – Девица кивнула. – Когда приехала в Чернокаменск. Примите мои искренние соболезнования, Август Адамович.

В отличие от него, она слова соболезнования произнесла. Вот только насколько искренними они были? Август лишь кивнул, дожидаясь, что же будет дальше, когда незваная гостья наконец приступит к делу.

Приступила. Поняла, наверное, что юлить с ним бесполезно. И к жалости взывать тоже.

– Мы хорошо с Федей жили. – Говорила она теперь тихо, но твердо, так, что сразу становилось понятно вздумай Август ее остановить, ничего у него не выйдет. – Целый год после свадьбы. Я думала, вот оно счастье. Знаете, когда ты один-одинешенек на свете, когда уже не веришь, что может быть по-другому, и вдруг появляется человек, который как часть тебя? – спросила и в глаза заглянула.

Понимает ли он? А, пожалуй, что и понимает!

– Я не совсем бесребреница была, вы не подумайте. У меня приданое имелось, отец перед смертью позаботился. Но Федя на приданое не смотрел, он на меня смотрел. Целый год. – Девица замолчала, носком запылившейся туфельки поддела черный камешек. – А потом его словно бы подменили. Стал вечерами из дому уходить, говорил, что еще одну работу нашел, что коль у нас с ним теперь семья, то деньги нужны, чтобы как у других и даже лучше. Только денег отчего-то стало, наоборот, не хватать. Я старалась, сэкономила, все спросить не решалась. А когда они совсем кончились, спросила.

Август усмехнулся. Ответ был ему уже известен. По крайней мере, один из возможных вариантов.

– Он пил, ваш Федя?

– Нет, что вы! – Она вскинулась, возмущенно замотала головой, посмотрела осуждающе. Как смел он, чужой человек, заподозрить ее Феденьку в пьянстве?! – Он не пил, в рот даже не брал.

– Значит, любовница или карты. – История была не слишком увлекательной. Сколько он знал подобных историй!

Девица вспыхнула, кровь прилила к щекам и почти тут же отхлынула, оставляя после себя мертвенную бледность. Значит, попал, задел за живое.

– Карты, – заговорила наконец. – И долги. Как потом выяснилось, очень большие долги, неподъемные.

– Его убили?

– Откуда вы?.. – не договорила, посмотрела на Августа как на пророка, а он усмехнулся.

– Вы ведь сами назвали вдовой. – Август пожал плечами. – А с карточными долгами долго не проживешь.

– Его нашли в подворотне, рядом с нашим домом. – Девушка говорила медленно и глаза закрыла. Вспоминала тот страшный день или просто не хотела видеть Августа с его беспощадной прозорливостью? – С ножом в сердце. Крови было много...

Иной бы порядочный человек ее успокоил, сказал что-нибудь обнадеживающее. Август не стал. История, закончившаяся так банально, ему наскучила.

– А на следующий день после похорон пришел человек. – Глаза она все-таки открыла, но на Августа по-прежнему не смотрела. – Сказал, что после Феде остались долги и теперь я должна их выплатить.

– Выплатили?

– Сколько могла. Продала все, что еще можно было продать. Осталось только это. – Она указала на простенькое серебряное колечко на безымянном пальце правой руки. – Единственная память о Феде.

Единственная светлая память, хотел сказать Август, но промолчал, подобрал с земли камешек, швырнул в озеро и стал наблюдать, как расходятся круги по воде.

– И когда мне больше нечего было продавать...

– Вы бежали.

– Да. – Платочек упал к ее ногам, а она этого даже не заметила. – Федя рассказывал, что в Чернокаменске у него есть тетушка. Единственная родня, и я подумала...

– И вы подумали, что можно вот так запросто явиться к чужому человеку со своими проблемами?

Вздрыгнула, посмотрела в упор диким каким-то взглядом, и глаза, до того невнятные, сделались вдруг ярко-серыми, почти прозрачными.

– Я не к вам ехала, Август Адамович, – сказала очень тихо. – Я к ней ехала, потому что про нее я слышала такое, что давало мне надежду. Знаете, надежда – это последнее, что у меня осталось. Я приехала и узнала, что Евдокии Тихоновны больше нет, умерла. И вместе с ней умерла моя надежда.

Врет. Если бы так оно и было, то на остров бы к нему она не приплыла. Надежда ее умирала вот прямо тут, корчилась в муках на Стражевом Камне, а она все никак не решалась уйти, поверить, что ей здесь никто не рад. Август не испытал неловкости, чувство, которое его захватило, больше было похоже на благодарность. Эта незнакомая девчонка, которая даже не знала его Дуню, сумела подобрать правильные слова, задеть за живое.

– Погодите, – сказал он и направился к маяку.

У него были деньги, лежали в надежном месте в кабинете. Много ли нужно одному? А ей, похоже, деньги требуются. Интересно, дождется ли?

Дождалась. Сидела на камне, глядя по спине кошке. Оказывается, его кошка благоволила не только к мертвым женщинам, но и к живым.

– Вот, возьмите. – Август протянул ей деньги. – Это все, что у меня есть.

Соврал, есть у него еще, но Софье Ледневой знать об этом совсем не обязательно, он и без того совершает поступок глупый и необдуманный.

Не взяла. Опустила кошку на землю, погладила на прощание по рыбой голове, сказала:

– Спасибо, Август Адамович, но я не за тем приехала. Извините, – и попятилась, словно своим предложением он ее оскорбил или и вовсе напугал.

– А зачем? – спросил он, наблюдая, как кошка трется об подол ее юбки. – Зачем вы тогда приехали?

– Я и сама не знаю. Просто ехать больше было некуда. Еще раз спасибо. И за беспокойство извините... – Она продолжала пятиться, словно боясь повернуться к Августу спиной, а кошка все шла следом. – Прощайте. – Все-таки развернулась и обратно к лодке пошла стремительным, почти мужским шагом.

Август тоже развернулся, посмотрел на маяк, на уже взобравшееся на небо солнце, а потом неожиданно для самого себя окликнул:

– Софья, погодите!

Она замерла, но оборачиваться не спешила. Не доверяла? Это правильно, он сам себе не доверял. Он и ей не доверял, если уж на то пошло. Она была незнакомкой, обузой, нарушившей его затворничество, попытавшейся нарушить. Но любовь к Евдокии оставалась в нем слишком сильна, а Евдокии девчонка бы непременно понравилась, и не прогнала бы она ее, не стала оскорблять подачками в виде денег, она помогла бы, но иначе.

Он тоже поможет. В память о Евдокии.

– Если вам и в самом деле некуда больше идти, я покажу вам дом.

Лицо ее, угловатое, широкоротое, вспыхнуло и словно бы осветилось изнутри, а глаза утратили почти кристальную прозрачность, снова сделались невнятного серо-зеленого цвета.

– Спасибо, – сказала она просто и дотронулась до руки Августа. Всего на мгновение, большего он не позволил, руку сразу же спрятал за спину.

– Только дом. Остальным озаботитесь сами, – пробурчал он сердито, но Софью Ледневу сердитость его нисколько не напугала.

– Озабочусь. – Она кивнула. – Теперь я не пропаду.

Хотел бы он быть в этом так же уверен, как и она. Но колесо судьбы уже сделало оборот, принятого решения не отменить...

* * *

Мастер Берг был мрачен и немногословен, в лодку забрался молча, едва кивнув мальчишке, который привез Софью на остров. Мальчишка, похоже, не удивился, лишь плечами пожал на вопросительный взгляд Софьи, мол, и не таких чудаков видали. А вот Софья не видала. Слышала только про Августа Берга, про его архитектурный талант, про странности и легкую придурь. Легкую ли? Придурь ли? Он не был похож на веселого и вспыльчивого чудака. И на гения тоже нисколько не походил. Редкие засаленные волосы, давно не стиранная, вся в пятнах рубаха, потухший взгляд, запах перегара и немывтого тела. Не таким Софья ожидала его увидеть и растерялась. С чудаками, гениями и балагурами всегда легче найти общий язык, чем с человеком, потерявшим надежду, а потом и самого себя. Но выбора не было, и Софья взяла себя в руки. Никто не обещал ей, что окажется легко, что чужие люди встретят ее с распростертыми объятьями, примут как родную, приютят, обогреют. Она знала, на что идет, и с дороги своей сворачивать не собиралась.

Дорога привела ее на этот странный остров. Про остров Софья тоже слышала. Кто же не слышал о таком диве, как настоящий замок посреди озера! Но одно дело – слышать и совсем другое – видеть своими собственными глазами. Остров был странен, мрачен и неприветлив, как и мастер Берг. Богатства свои от чужих взглядов он прятал за пеленой рассветного тумана и показал во всей красе, лишь когда их лодка уже почти причалила. Маячная башня, черная, чешуйчатая, похожая на взметнувшуюся к небу кобру. Дом таких причудливых очертаний, что назвать его человеческим жилищем не поворачивался язык. А еще мужчина, не старый, но выглядящий как старик, такой же странный и неприветливый, как остров. Софья уже почти смирилась, что они ее прогонят, и мастер Берг, и остров.

Не прогнали. Наверное, ей повезло. И чтобы не спугнуть свою хрупкую удачу, всю обратную дорогу Софья благоразумно молчала. Заговорила лишь, когда уже на берегу мастер Берг выбрался из лодки и, не оглядываясь, пошел по пыльной дороге в сторону леса.

– Август Адамович, куда мы? – Она схватила саквояж со своими немногочисленными пожитками, виновато улыбнулась пареньку, который покрутил пальцем у виска, глядя в сутулую спину мастера Берга, почти бегом бросилась следом.

– Домой, – бросил он, не оборачиваясь.

Несмотря на кажущуюся немощность, шагал он быстро, Софья едва за ним поспевала. Саквояж был тяжелый, а помощь свою мастер Берг ей не предложил, не посчитал нужным. Да и бог с ним, главное, что кров предложил, а остальное – пустяки. Идти пришлось сначала лесом, потом полем, Софья умаялась и дышала тяжело, как загнанная лошадь. Лето выдалось на удивление жаркое. Или это только тут, в Чернокаменске? В Перми такой изнуряющей жары она не замечала. Впрочем, в Перми она вообще мало что замечала.

Город начался с редких, наособицу стоящих домов, но очень скоро раскинулся неширокими улицами, спрятанными за высокими заборами подворьями. В Чернокаменск Софья приехала почти ночью, так что город толком разглядеть не успела и вот сейчас всматривалась внимательно, стараясь не упустить ничего важного. В городе не было ничего особенного – обычный провинциальный городок, мало чем отличимый от большой деревни.

Нужный дом Софья узнала сама, без подсказки Августа, по какому-то сиротливому виду, по потускневшим, давно не мытым окнам, облупившимся резным наличникам, по несвоей обитаемым домам тишине. Мастер Берг немного повозился с калиткой, сказал растерянно:

– Надо же, петли заржавели.

Петли и в самом деле заржавели, скрипнули протяжно, и Софье показалось, что горестно, а мастер Берг вздохнул, распахнул дверь, пропуская гостью вперед. Сам замешкался, словно боялся переступить невидимую границу, и она испугалась, что вот прямо сейчас, стоя на пороге собственного дома, он передумает, посмотрит своим равнодушным, выцветшим взглядом и велит убираться к чертовой матери.

Не передумал, аккуратно затворил за собой калитку, вслед за Софьей шагнул на поросший лебедой и бурьяном двор.

– Вот оно как, – сказал, сбивая носком сапога толстый лист лопуха. – Дуне бы не понравился такой беспорядок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.